ТАТЬЯНА

ГАРМАШ-РОФФЕ

ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

РАСКОЛОТЫЙ МИР

Частный детектив Алексей Кисанов

Татьяна Гармаш-Роффе

Расколотый мир

«Эксмо»

2008

Гармаш-Роффе Т. В.

Расколотый мир / Т. В. Гармаш-Роффе — «Эксмо», 2008 — (Частный детектив Алексей Кисанов)

Александра никогда не сомневалась в своей способности нравиться мужчинам и потому не удивилась, когда у нее завелся новый поклонник, красивый молодой человек. Но он позволил себе перейти границы, и Александра сурово дала ему отставку. А спустя неделю их с Алексеем Кисановым детей, двойняшек, похитили! Что это? Киднеппинг с целью выкупа? Или месть юного поклонника за холодность Александры? А может, это наказание за ее разоблачительную статью? Или это вовсе не ей месть, а Алексею? От кого-то из тех, кого он отправил за решетку? Как бы то ни было, но их восьмимесячные дети бесследно исчезли! Алексей Кисанов срочно прерывает командировку на Урале и возвращается домой, чтобы расследовать это похищение. Однако выясняется, что похититель не оставил ни одной улики! Все говорит о том, что к похищению он хорошо подготовился… Где же искать разгадку? Ведь каждая истекшая секунда ставит под угрозу жизнь их с Александрой детей!

© Гармаш-Роффе Т. В., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

ЧАСТЬ I 5
ЧАСТЬ II 29
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Татьяна Гармаш-Роффе
Расколотый мир

Моей маме

ЧАСТЬ I
Запах счастья

Ба и Де

В начале ноября ударили морозы, пришлось доставать шубу и зимние сапожки. Снег лег крепко и уверенно и успел плотно притоптаться к земле многими ногами. Александра шла с некоторой опаской, но все равно пару раз поскользнулась. Выручила коляска, за ручку которой она держалась.

Малыши на улице успокоились, что радовало. В последнее время они капризничали – зубки резались резво, один за другим. Сегодня дневной сон совсем не задался, и Александра решила выйти на вечернюю прогулку раньше обычного.

На улице все детей отвлекало: в их недавно начавшейся жизни каждый предмет был полон смысла и подлежал изучению. Так заполняют чистый лист первые буквы, еще не выстраиваясь в слово: де… пти…

Светло-серые, резко очерченные тучи толпились в небе, и Александра рассеянно посматривала на них, пытаясь угадать, принесут ли они потепление.

Скверик, в котором она прогуливала малышей, являл собой маленькое, но очень своеобразное пространство в большом городе по имени Москва. В городе, где все торопились, где толкались, чертыхались, брали приступом автобусы, троллейбусы и метро. Но здесь, в сквере, в небольшом прямоугольнике, стиснутом с четырех сторон суетными улицами, – здесь жизнь протекала по иным законам. Она была неспешной; она сопротивлялась быстрым и резким движениям – она была праздно-прогулочной. Эту жизнь населяли собачники, мамы с колясками и прочие личности, имевшие прихоть и возможность гулять. Гулять – а не бежать по делам!

Из-за низких туч неожиданно выглянул острый, как стилет, солнечный луч, уколол глаза. И тут же кто-то громко чихнул позади нее.

Александра обеспокоенно обернулась: не хватало только, чтобы малышей заразили!

– Это от солнца, – улыбнулся ей молодой человек, шедший за ней. – У меня такая реакция на солнечный свет. Я не заразный, не бойтесь. Пенс, фу! – вдруг закричал он. – Фу, к ноге!

Ирландский сеттер, вынюхивавший что-то на газоне невдалеке, поскребывая лапой снег, поднял голову, посмотрел на них задумчиво и вдруг рванул в их сторону галопом, в котором чувствовалась щенячья жизнерадостность. Его солнечно-рыжая шерсть потекла по ветру.

– И за что же вы его Пенсом обозвали? Он вполне на фунт стерлингов потянет! – усмехнулась Александра.

– А чтоб не задавался, – ответил ей парень. – К ноге, Пенс!

Пробегая мимо коляски, пес лизнул детскую щеку и тут же скакнул к хозяину, ткнувшись медной башкой ему в колени.

Дети показывали ручками, облаченными в варежки, на собаку. «Ба-а», – произнесла Лиза, а Кирюша неуклюже повторил за сестрой: «Па-а!»

Кирюшка был старшим – родился на семнадцать минут раньше. Крупнее сестры, флегматичный, добродушный увалень, он смотрел на мир философски. Лизавета была беспокойнее, подвижнее и реактивней. Всякое, даже пустячное, событие находило в ней немедленный отклик.

Пес рвался к детям. Молодой человек вопросительно посмотрел на Александру.

– Он не может укусить? – спросила она.

– Ни за что!

– Ну, пусть тогда пообщаются… Только вы его придерживайте! – решила Александра.

Юноша приотпустил поводок, и пес прыгнул к детям. Он привстал, пытаясь упереться лапами в спинку коляски, но из этой затеи ничего не вышло: конструктор двойной прогулочной коляски отнюдь не имел в виду подобное ее использование. Тогда пес сел и положил лапы детям на колени.

– Ты только не балуй, Пылесос! Поаккуратней, слышишь?

– Пылесос?

– Это его кличка. Пенс – имя, а Пылесос – кличка.

– Хм, – озадачилась Александра. Как известно, у собак имен нет, все клички. И она не знала, парнишка сказал так по неосведомленности – или оригинальничал? Но ей, любительнице всяких оригинальных выражений, понравилось. – И отчего же?

– Он обожает, когда я его пылесошу… Или пылесосю? Как правильно?

– Пылесошу… Это считается просторечным выражением, но допустимым.

– Так вот, он всегда специально ложится поперек коврика, чтобы я его пропылесосил.

Александра посмотрела на юношу внимательнее. Он со всей очевидностью любил свою собаку, а ей нравились люди, которые любят зверей и детей.

…Когда псина решила умыть детские мордахи огромным своим языком – отчего малыши пришли в полный восторг, жмурясь и хохоча, – Александра запротестовала. Конечно, очень важно, чтобы дети не боялись животных, однако столь тесная дружба несколько превышала ее гигиенические принципы.

Молодой человек приструнил Пенса, и остаток прогулки тот шел, смирно труся возле ног хозяина. Мало-помалу выяснилось, что юношу зовут Степан.

– Чу€дное имя! – сказала Александра. – Отдающее историей и подвигами! А чем вы занимаетесь, Степан? Учитесь? Работаете?

– Учусь, – ответил он. – В Историко-архивном институте.

– Это здорово, – серьезно ответила она. – Нам сейчас, на мой взгляд, очень нужны специалисты не просто по истории, которую так легко перевирать под надобности политики, но люди, способные подтвердить любые суждения о ней архивами, фактами!

– Вот я тоже так решил. История – не точная наука, не математика, но все же она должна придерживаться правды…

Он попал в точку. Александра увлеклась, – они еще с час, не меньше, проговорили об истории и о политических искажениях оной.

Прощаясь, Александра думала о том, что парнишка совсем юн – лет девятнадцать-двадцать, не больше, – но весьма неглуп и что беседа с ним была приятной.

Любопытство как профзаболевание

В наследство от своей таксистской жизни Николай Петрович получил раздавленные ноги и привычное любопытство к людям. Не то чтоб он любил совать нос в чужие дела, но профессия приучила. Иной клиент сам заговаривал, другой, казалось, только и ждал, чтоб его спросили. Николай Петрович и привык спрашивать. И слушать привык – да не ответы, а целые исповеди! Редко кто молчал в его такси, но в этих редких случаях он и не приставал. Не тянет клиента на откровенность, и не надо. Николай Петрович столько историй наслушался за свою жизнь,

что хоть садись романы пиши. Им бы, писателям, в такси сначала поработать, а потом уж за книжки браться! А то пишут хрень всякую, жизни не знают!

Николай Петрович за долгие тридцать лет за баранкой стал ощущать себя едва ли не духовником. И теперь, после той автокатастрофы, когда пьяный козел вылетел со своим джипом на встречную полосу и вмял железо в ноги Коляна – отчего пришлось пересесть ему в инвалидное кресло, – ему не только баранки недоставало, но и этих разговоров. Томила его тишина. А без ног-то не очень пойдешь в народ погуляешь…

Жена его давно уже померла, а доча за турка замуж вышла, да и уехала в Турцию. Деньги присылает – а то как бы он жил на пенсию? – и фотки иногда. Детей они там со своим турком четверых наплодили, все мальчишки, – вроде внуки ему, но, глядя на смуглые лица, не чувствовал Николай Петрович в них никакой родственности. Может, если бы росли на его глазах, он бы и привязался. А так…

Васятка только выручал. Давний сосед, друг и собутыльник, и тоже шофер, такое вот совпадение. Познакомились они, правда, чисто по причине соседства, а не профессии. Васян до сих пор баранку крутит, хотя даже постарше Коляна, уже под шестьдесят пять ему. Но Васян огурцом – высокий, жилистый, крепкий. Вот что значит ноги иметь! Не то что Колян – раздобрел он в своем кресле, щеки наел, живот на коленках лежит… А ведь тоже росту не маленького был… Эхма!

С другой стороны, что ему, инвалиду, осталось из радостей жизни? Только поесть вкусно да выпить! И если есть, кто в него камень захочет кинуть, так Колян пригласит этого кидателя камней на свое место: в инвалидную коляску. Нехай посидит, прочувствует!

По вечерам сосед регулярно к Коляну наведывается – они выпивают вдвоем по чарочке-другой-третьей. У Васяна полон дом: жена, дочка взрослая – мать-одиночка она – и внучка, ей уже шестнадцать… Вот и смывается он от бабья своего к Коляну. И душевно сиживают они вечерами, запивая беленькой философские о жизни рассуждения да огурчиком их горечь заедая.

И однажды, за чарочкой, Васян ему и присоветовал: сдай, мол, комнату!

Хороший совет, дельный. Ему лично, Коляну, и одной комнатенки за глаза хватает, а деньги лишними не бывают, зато и будет с кем поговорить!

Вот так и вышло, что Колян сдал комнату в своей двухкомнатной квартире. Сдал парнишке, молодому, но денежному. Он у какого-то богатея охранником служил и зашибал очень прилично. Отчего легко согласился на четыреста долларов за комнатенку. И возраст его располагал: совсем юнец. Ударяя по рукам с новым жильцом, мыслил себя Колян будущим наставником его жизни…

Только вышел облом. Деньги парнишка платил исправно, но оказался скрытен. Вроде и разговорчив, да странно как-то. Слова говорит, а будто ничего и не сказал. Что-то о погоде, что-то о ценах, что-то про пенсионную реформу, но о себе ни-ни. И выпить всегда отказывается.

Правда, добрый малый и не жадный: старое инвалидное кресло-коляску Николаю Петровичу не только отремонтировал, но и усовершенствовал, электрическим приводом снабдил, так что теперь Колян мог дать отдых натруженным рукам и больше не крутить колеса: моторчик сам их вел, только сиди да управляй! Почти такси, едрить твою…

Почти, да не почти! Моторчик дело делал исправно, а вот душевно пообщаться Коляну со своим «клиентом» не получалось. Отделывался парнишка вежливыми фразами да в свою комнату поскорее нырял. Обидно это было Николаю Петровичу. Мог бы и уважить мальчонка старого таксиста: уж ему, чай, есть чем поделиться с подрастающим поколением!..

Может, потому, что подрастающее поколение в лице квартиранта упорно игнорировало житейский опыт и накопленную с ним мудрость инвалида, он, пребывая в дефиците общения, стал все больше интересоваться жизнью своего комнатосъемщика. «Надо ж знать, кого к себе в

салон посадил!» – оправдывался перед собой Николай Петрович, въезжая однажды в комнату своего жильца, в отсутствие последнего, разумеется.

И не зря он полюбопытствовал. Кое-что удивило его – да так удивило, что позвал он Васяна на совместную экскурсию в комнату жильца.

– Гляди, – говорил он приятелю, открывая створки шкафа, – мальчишка живет, как на перевале! Вот пакет с трусами, вот пакет с носками, одна рубашка и одна майка. И вот сюда глянь, – переехал Колян на сторону платяного отделения, – один костюм висит. Это нормально, по-твоему?

– А чего такого? – не врубался Васян.

– Так он уже две недели тут живет! За это время можно вещи разложить, по-твоему? Или у него их нету, мужских вещей?

– Ты почему так решил?

– А вот посмотри! Скажи мне, что это такое?

– Журналы, – пожал плечами Васян.

– Да ты глянь, какие журналы! Для женщин!

– Ну, и чего?

– А то! Ты вот журналы для баб читаешь?

– Нет. Хотя заглядывал пару раз, у моих полно этого добра.

– А пошел бы сам покупать?

– Ни боже мой!

– А он накупил. Сам!

– Может, дал ему кто?

– Не, ну ты скажешь! Тебе б дали – ты бы взял?

– Не взял.

– То-то.

Некоторое время друзья молчали, размышляя. Первым прорезался Колян.

– Васян, он голубой, что ли? – делился подозрением со старым другом Колян. – Журналы для баб – это как понимать, а?

– А черт его знает… – чесал лысину Васек. – А в бабскую одежду он не переодевается?

– Не видал. А зачем ему в бабскую?

– Ну, там у них есть такие сдвиги по фазе: в баб одеваются. Как-то видел я по телику.

– Хм. А если не одевается, значит, не голубой?

– Да кто их разберет… Не знаю я. А девки у него нет?

– Нету вроде.

– Сюда не водит?

– Не водит, это точно, а то б я просек.

– Наверное, голубой тогда.

– От на свою голову пустил к себе… Не люблю я этих!

– Да ладно те… Он к тебе не пристает?

– Нет. Хотя вот с креслом помог, ты же знаешь.

– Ну, это не доказывает ничего.

– Не доказывает, – согласился Колян. – А все же ты мне скажи: вроде добрый такой, да? А слова из него не вытащишь!

– Слушай, а на кой хрен тебе это нужно, разбираться? Тебе не по фигу? Голубой, розовый, серо-буро-малиновый… Пошли лучше выпьем!

Дама с Собачками

Как-то Роман увидел в киоске журнал, где на обложке было крупно «Секрет женского обаяния». Он купил: хотел узнать этот секрет.

Секрета он так и не узнал: там какая-то бурда была написана. Про духи, да украшения, да маникюр… Да они все, женщины эти, с духами, и с украшениями, и с маникюром! И ни одной это обаяния не прибавило!

У него было много богатых клиенток, которые могли себе позволить все то, о чем в статье писалось. И пахли они, как журнал проповедовал, и цацки положенные носили, а толку никакого. Некоторые даже были совсем неприятные. Только и думаешь: скорей бы уже свалила! Зато иные как намагниченные, так и хотелось забраться к ним в машину, чтоб увезли с собой…

Так что фигня в статье была. Но он другое понял: женщинам это важно. Какие на них цацки, какой маникюр. И стал время от времени делать клиенткам комплименты.

С тех пор его чаевые удвоились. Тогда Роман решил почаще покупать такие журналы и почитывать. Вычитал еще про обувь, взял на вооружение. И, когда появилась Дама с Собачками, он ей первым делом сказал: «Какие у вас красивые босоножки». Она хмыкнула: «А ножки, что ли, нет?»

– И ножки, – он смутился.

Красотка потрепала его ручкой по щеке и сказала, что он милашка. Потом прищурилась, окинула его взглядом с головы до ног и произнесла:

– Жалко, маленький еще. Сколько тебе, восемнадцать?

– Девятнадцать.

– Сосунок, – заключила она. – Малолетних не развращаю.

Он еще больше покраснел, а она залилась смехом.

– Неужто девственник, такой красавчик? Ну, годика через два я тебя ее лишу, если раньше никто не возьмется за это неблагодарное дело… А пока машину мою посмотри! Она почему-то подсела набок. Только имей в виду, оставлять я ее не буду. Или сразу чинишь, или я уезжаю.

Машина подсела набок по очень простой причине: одно колесо немного спустило. Он объяснил это хозяйке.

– Так ты сразу починишь?

Роман не мог сдержать улыбки: такое не называлось словом «починить». В лучшем случае колесо нужно подкачать, в худшем – поменять.

– Минут пятнадцать, – ответил он.

– Прекрасно!

Женщина открыла заднюю дверцу, немного пошебуршилась в машине и выпустила оттуда четырех собак разных размеров. Они вели себя на удивление дисциплинированно, только шкурами потрясли. Роман не смог бы назвать породы этих псин, но у него создалось ощущение, что хозяйка их подбирала по цвету, соблюдая гамму осеннего листопада – от золотистого нюанса меда до глубокой меди. Это тональное братство было предназначено, без сомнения, служить обрамлением для их хозяйки, чей наряд сочетал охру и терракоту.

Крепенько ухватив маленькой изящной ручкой все четыре поводка, красотка направилась за ограду выгуливать свою собачью бригаду, а он еще некоторое время смотрел ей вслед, испытывая смутное волнение. Ее костюмчик – короткая юбка и нечто на бретельках, пикантно приоткрывавшее снизу загорелый живот и сверху грудь, – вызвал в нем тоску и желание.

Желание женщины?

Или другой жизни?

Роман не знал ответа на этот вопрос. Да он, собственно, его никогда и не пытался сформулировать. Просто чувствовал, что Дама с Собачками его волновала. Вот и все.

Ее темно – и томно-красный «Мерседес-350» с глубинно-золотой искрой оказался машиной удивительной – или хозяйка у него оказалась удивительная? – но неисправности в нем возникали регулярно. Мелкие, но зато чуть ли не каждую неделю. То стекло заедало, то ручка не открывалась, то зеркало трескалось, то легкая вмятина, то царапина. И обращалась она с тех пор только к Роману. Помогло ли ему чтение журналов, трудно сказать, но вскоре они с Дамой с Собачками подружились.

Впрочем, слово «подружились» тут вряд ли подходит – скорее Лана (звали ее Светланой, но она предпочитала именно так, Лана) взяла над ним игривое шефство. Ей нравилось Романа смущать, она мгновенно учуяла, что волнует его как женщина, и с садистским наслаждением вгоняла юнца в краску при каждом удобном случае, но в то же время она искренне давала ему советы – то как с другими клиентками держаться, то насчет одежды… Она часто расспрашивала его о жизни, а особенно ее интересовали его отношения с девушками. Роман был вынужден признаться, что отношений у него никаких нет… и до сих пор не было…

– Так ты и впрямь девственник? – изумилась Лана. – Я тогда пошутила, не думала, что в наши времена такое бывает! – На этот раз она над ним не подсмеивалась, была серьезна. – Можешь ты мне сказать, почему, Рома? Ты ведь и вправду красивый мальчик, и рост что надо, и фигура…

– Я не знаю. Не влюблялся.

Лана посмотрела на него изучающе.

– Ты гомосексуалист?

– Нет.

– Ты можешь об этом не знать, такое бывает. Тебе может казаться, что женщины тебя интересуют, но просто ты не нашел еще свою, а на самом деле ты латентный го…

– Я не голубой!

– В принципе, я чувствовала, что ты на меня реагируешь, – задумчиво проговорила она, – но могла и ошибиться… Знаешь, таким нахальным и самоуверенным девицам, как я, вечно кажется, что все мужики у их ног… Ну-ка, поцелуй меня!

И она подставила ему свой яркий рот, сложив губы аппетитным сердечком.

Роман медленно приблизил к ним свои губы. Внутри отчего-то стало холодно. Он целовался с девчонками, но и вправду ничего не чувствовал с ними, а тут словно в прорубь!

Он заледенел окончательно на расстоянии сантиметра от нее. Но Лана разрешила ситуацию радикально: обхватила его за голову и прижала свой рот к его. Ее язычок пролез в створки его неловких, задеревеневших губ, раскрыв их. Теперь внутри Романа заполыхало, как в железной бочке из-под бензина, яростно и гулко.

Тут руки Ланы притянули его к себе за бедра, и она прижалась к нему низом живота, явно желая проверить, что творится у Романа в паху. И почти в то же мгновение она отодвинулась от него со смехом.

– Все в порядке! Проверено, мин нет!!! – И, посмотрев на его ставшее ярким лицо, потрепала его рукой по волосам: – Ничего, малыш, не пугайся, это нормально! А теперь расскажи-ка мне, что мешает тебе завести подружку? У тебя когда смена заканчивается?

Смена заканчивалась через три часа, и Лана сказала, что заедет за ним и повезет его в кафе-мороженое, где они смогут поговорить в спокойной обстановке. Как оказалось, Лана – профессиональный психолог.

Роман не устоял перед ее напором, согласился. Сначала Лана привезла его в какой-то магазин, где подобрала ему «приличный прикид», поскольку в кафе-мороженое в таком виде идти нельзя, и Роман долго настаивал у кассы, что оплатит покупки сам. Неравный бой выиг-

рала Лана. Затем он поехал с ней в кафе-мороженое, которое на поверку оказалось шикарным рестораном. Ему нравилась Лана, ему было приятно находиться в ее обществе, ему нравилось даже то, что она его волновала, хотя никаких далекоидущих желаний… Правильнее было бы сказать: далекоидущих ***мыслей***, потому что желания его как раз заходили довольно далеко… Но во всех случаях никаких притязаний на нее он не имел. Просто любил бывать в ее обществе, вот и все. И все было бы чудесно с ее затеей повести его в ресторан, но вечер омрачало одно: она ждала от него исповеди. А он не желал ничего рассказывать. Не хотел, не хотел, не хотел!

И рассказал.

Он не понял, как это получилось. Может, вино тому виной, или Лана и вправду психологом была отменным, или все вместе, – но он рассказал.

…Первые семь лет жизни кажутся ему Летом. Теплым и душистым, насыщенным солнцем и негой. Он только смутно помнил редкие грозы с пугающими вспышками молний – это ссоры родителей. Но они были нечасты (по крайней мере, в его присутствии) и потому не омрачали тогда детство, а теперь память. К тому же после тех ссор родители необычайно баловали его, словно стараясь извиниться за то, что напугали, – да и сами были необычайно ласковы друг с другом. В общем, детство его было счастливым, беспечным и обеспеченным. А потом что-то случилось, и все полетело в тартарары.

Пробелы в своей детской памяти и в понимании происходящего он потом достраивал с помощью тетки, маминой сестры. И вот какая теперь, спустя годы, нарисовалась картина.

…Родители его познакомились в институте. Она, Ася, – робкая и романтичная провинциалка с прозрачными голубыми глазами и великолепной гривой русых волос, вьющихся кольцами, которые она заплетала в свободную, без ленты, косу. Он, Гриша, – полная противоположность: яркий чернобровый брюнет, широкий в плечах, казацких кровей. Они стали самой красивой парой на курсе и вскоре поженились.

Закипала перестройка. Гриша обнаружил в себе деловые таланты – и весьма скоро, не прошло и трех лет после свадьбы, они зажили на широкую ногу. Приобрели свою первую квартиру – тогда можно было за десять тысяч «зеленых» купить! – обставили, а еще годик спустя машиной обзавелись. И они любили друг друга. Счастье было безоблачным.

Почти.

Те грозы, которые иногда сотрясали детство-Лето Романа, – это вспышки ревности Гриши и сопутствующие им скандалы. Ревновал он без всяких на то причин. Ася, с ее романтической застенчивостью, которая так и не отшлифовалась столичной жизнью, мужа боготворила, любила его преданно и самоотверженно. Где Гриша находил поводы для ревности, так никому до сих пор и непонятно. Но он их находил. Случалось, и руку на жену поднимал, – тяжелую казацкую руку на хрупкую свою жену… Она плакала украдкой, не понимала, отчего к ней такое недоверие, – но она его любила и оставалась с ним. Мысль о разводе ни разу не осенила мозг Аси и ее преданную душу.

А там и Ромка родился. Что внесло поправки в их семейный уклад – Ася бросила работу, благо Гриша зарабатывал весьма и весьма прилично, – но не в их отношения. Вспышки ревности, оставлявшие иногда синяки под ее прозрачными, словно акварелью выписанными глазами, продолжались. Хотя, кажется, не мешали им продолжать друг друга любить пылко…

Тетка, мамина сестра, говорила: «И как только она терпела такого мужлана?!» Тетка жила в Пскове, откуда они с сестрой были родом, и работала хранительницей краеведческого музея.

Как терпела Ася, только ей знать и дано. Но факт налицо: она жила с Гришей, любила его, растила их сына. И боготворила обоих: мужа и сына.

Ромка уродился в маму: русый, с тонкими чертами лица, белой кожей, легко красневшей под солнцем или от смущения. Отец в нем тоже души не чаял, и счастье, несмотря на приступы-грозы его ревности, длилось долго-долго…

Но не бесконечно. Рома помнит: что-то изменилось в их жизни, когда ему было семь лет. Почему? Он не знал, и даже тетка не могла ему помочь объяснениями. Просто скандалы стали возникать все чаще, и синяки с маминого лиц почти не сходили… А потом и Ромка стал попадать под тяжелую отцовскую руку. Невыносимо душная атмосфера страха постепенно проникла во все щели их дома. Ромка стал бояться отца и видел, что мама тоже боялась. И плакала украдкой.

Душистое и солнечное, теплое и нежное Лето его детства кончилось. И наступила Зима. Она сковала морозом все чувства, все тело. Словно злая колдунья явилась и взмахом своей гадкой волшебной палочки заморозила все, превратив самое лучшее, что было в его жизни, в воспоминания, в небыль. А в настоящем оказался только ледяной сугроб. Холод, холод.

День, в который отец громко кричал, чтобы она, мама, «со своим щенком» убиралась, был самым страшным днем в его жизни. В этот день Рома впервые узнал, что такое ненависть. Его сотрясало от нее, пока он затыкал уши, чтобы не слышать грязных слов, которыми папа обливал маму. Он не понимал их смысла, не знал их значения, но чувствовал, что они дурные, что они липкие и вонючие, как какашки.

Если бы Рома мог, он бы убил отца. Если бы только мог! И всю ночь ему снилось, как он берет на кухне большой нож и втыкает его прямо в горло отца – горло, из которого вылетали страшные крики и гадкие слова…

Спустя две недели они с мамой переселились из комфортной квартиры, где у Ромы была своя комната, полная игрушек, книжек, одежек, в маленькую комнатку в коммунальной квартире. Одну на двоих.

Они стали жить бедно, очень бедно. Но, что хуже всего, – мама начала пить.

Тетка сказала, что мама иногда пила и раньше, после ссор с папой. Ей нужно было куда-то девать свою тоску, говорила тетка. Но с тех пор как они стали жить отдельно от папы, мама принялась пить постоянно. Все, что Рома помнил с тех пор, как они переселились в коммуналку, – это одна и та же, повторяющаяся изо дня в день сцена: он приходит из школы, мама едва волочит ноги, чтобы разогреть ему скудную еду. Мясо или рыба редко появлялись в его рационе, он больше питался макаронами и гречневой кашей…

Ася жила на алименты, а Гриша подавляющую часть доходов получал наличными, скрывал от налогов и суда, и доставались Асе с сыном крохи… По ночам мама мыла где-то полы – работать по специальности она то ли больше не могла после столь долгого перерыва, то ли не захотела…

«Скорей всего, – подумала Лана, – это был медленный суицид. Она развод и нелюбовь мужа ощущала как конец жизни, но руки не посмела на себя наложить из-за сына. И предпочитала забываться в алкоголе…»

Но вслух Лана ничего не сказала.

С тех пор и поселился в Ромкиной душе ад. Дело было не в гречневой каше – дело было в утраченной отцовской любви, в утраченном счастье, где существовали мама, папа и он, любимый сын. Семья.

Он стал *нелюбимым*– вот в чем сосредоточился АД.

За что? Сколько раз задавал он себе этот вопрос и не находил на него ответа. Его вычеркнули из жизни – папа по каким-то непонятным ему причинам, а мама своим алкоголизмом…

Эти годы он помнил лучше, он стал старше. Но вспоминать было нечего. Он ходил в школу – не столько ходил, сколько прогуливал. Соседи по коммуналке всячески обзывали его мать – он огрызался. Маму он любил, несмотря ни на что, и жалел. Во всем был виноват отец, ясно! Это он выгнал их из дома, это он лишил их всего! Лишил комфорта физического и душевного, лишил чувства защищенности, которое так потребно в детстве. Он во всем виноват, он – подлец и гад! Даже если мама запрещала ему говорить так об отце…

Рома умолял маму бросить пить. Она обещала, грустно глядя на сына, – и он знал, что это неправда. Блекла ее нежная красота, кожа сделалась сухой, ранние морщины легли у глаз и губ. И Ромка однажды додумался. Он нашел – он был уверен – блестящий аргумент, чтобы заставить маму отказаться от вина. «Мамочка, ты перестань пить и тогда снова станешь красивой и выйдешь замуж за другого мужчину! И пусть он бесится от злости и ревности!!!»

Но мама только попросила его не говорить так о своем отце…

«*Он*». Роман вычеркнул слово «папа» из своего словаря и больше никогда не произносил его вслух. Только «он».

Что такое ревность, Ромка толком не понимал, но знал, что все дело в ней. «Он» маму ревновал – без причины, по словам тетки. Да и то, стоило только посмотреть на его маму, как хотелось сказать: «светлый лик»…

«Вся вина Аси в том, что она была красивой, – говорила тетка. – И еще она была святой. Она не подчинялась мужу, не терпела его – она *прощала* его! Он зверел от этого, твой отец. В ее прощении была нестерпимая для него высота… И ему хотелось втоптать ее в грязь, сравнять с собой, потому что сам он был грязным!» – так говорила тетка…

Со столика справа остро пахло чесноком, со столика слева тянуло пряным ароматом ликера «Гран Марнье», которым поджигали французские блинчики «креп».

– Я могу тебя перебить? – спросила Лана, покрутив носом: несочетаемость запахов ее раздражала.

– Перебивайте…

– Переходи на «ты». Не такая уж я взрослая тетенька, чтобы ты мне «выкал», – засмеялась она.

– Хорошо.

– Я вот что думаю. Отец твой, без сомнения, был патологическим собственником. Ревность его вызвана не любовью, а именно этим чувством. Уверена, что тетка твоя сказала чистую правду: твоя мама не давала никаких поводов. Это он их видел в каждом мужском взгляде, обращенном на нее! И тогда в нем все переворачивалось. А по складу он был человеком, без сомнения, агрессивным… Я говорю «был», – вдруг запнулась Лана, – но он жив?

– Не знаю. Мне все равно.

– Он «был» в твоем детстве. Поэтому прошедшее время.

– Я понял.

– И собственная ревность оказалась невыносима даже для него самого. И он наверняка нашел другую женщину, попроще, не такую красивую, понятную ему, которую он не ревновал. Поэтому вас и выгнал!

Рома посмотрел на Лану и ничего не ответил. Она угадала, потому что отец вскоре женился, но это ничего не меняло. Настоящую причину он теперь знал, но Лане говорить об этом он не собирается…

– И не исключено даже, что эта новая женщина его подзуживала: ей хотелось побыстрее занять место хозяйки в вашей квартире!

– Скорее всего, вы правы, – согласился он с Ланой. Он не стал переходить с ней на «ты» – это «ты» их как бы уравнивало, а они никак не могли быть равны! Она была благополучна, беспечна и счастлива, как когда-то Роман. Но он все это утратил. И пока он не разберется с виновником этой утраты, он не станет счастливым! Он не может любить, он не может существовать, он не может дышать, пока не отомстит!

– Ну-ну, продолжай!

Лана заметила, что он остался на «вы», но настаивать не стала.

…Соседи говорили гадости про маму, называли ее алкашкой и пьянью, и Ромка мстил им как мог. Переворачивал их кастрюли, выливал суп в ботинки в прихожей, спускал шину у велосипеда, резал клеенку на кухне, ломал звонки у входной двери… И тогда соседи сговорились и решили сдать его каким-то «попечительским органам». Роман не знал, что это за органы, – он знал только про печень, почки, мозг, желудок, – но что за органы должны управлять его судьбой, он не представлял. Однако слово звучало угрожающе.

И тогда он сбежал из дома.

Авторемонтная мастерская, находившаяся недалеко от школы, была ему хорошо знакома. Он немало проводил там времени вместо уроков, помогая механикам чинить машины. Его там знали и не гнали, к тому же помощь от него была хоть и невеликая, но толковая. Особенно благоволил к нему один мужик, которого все звали Андрюхой. Бывало, что Андрюха с Ромкой и бутербродом делился, принесенным из дома.

– Тебя что, мать не кормит? – спросил он в первый раз, увидев, как набросился мальчишка на еду.

Но, заметив, как сверкнули глаза пацана, больше спрашивать не стал. Только удвоил количество своих бутербродов: на случай, если Ромка подвалит.

Однажды Роман провозился с Андрюхой до позднего вечера. И, когда механик засобирался домой, попросил разрешения переночевать в машине, которую они чинили.

Андрюха ничего не сказал, только головой покачал и вложил в Ромкину ладонь ключи. «Смотри, попортишь чего, убью», – напутствовал он.

Наутро Андрюха принес ему полбатона хлеба, свежий огурец и несколько холодных котлет. И с того дня Ромка практически поселился в мастерской на правах «сына полка».

В пятнадцать лет он разбирался в автомобилях не хуже взрослых, умел поставить диагноз любой машинной беде, словно обладал даром слышать жалобы ее железного тела. Ему начали платить настоящие деньги – теперь он работал не за сомнительное жилье в виде топчана в захламленной комнатенке на задах мастерской и горстку рубликов на пропитание, нет! Он стал получать зарплату. А там и чаевые. И жизнь его потихоньку стала меняться.

Все это время он регулярно навещал маму, с болью в сердце замечая, как она деградирует… Он приносил продукты, какие мог купить. Сидел рядом, гладил ее по плечу и просил съесть творог или помидор… Она слишком мало ела – алкоголь насыщал ее. Мать худела и старела буквально на глазах.

Роман потихоньку пытался разузнать: как ее вылечить? Но выходило, что по-настоящему вылечить можно только в санаториях и больницах, за бешеные деньги. Рома, и без того работавший чуть ли не по десять часов в день, – свободное время ему не было нужно, куда его девать? – принялся работать по четырнадцать.

И он их наконец заработал, эти деньги! Год назад он отправил маму в санаторий. Она провела там полтора месяца и вышла оттуда посвежевшая, помолодевшая, с ясными глазами.

«Мама, – говорил он, когда вез ее домой на машине, – ты потерпи немножко, ладно? Я заработаю еще денег, и мы купим себе квартиру и будем жить не хуже, чем раньше! Слышишь, мам? Ты только потерпи, больше не пей! Ты же у меня красивая, хорошая, подержись, не пей, а? У тебя будут снова красивые платья, я тебе куплю! И мы опять станем счастливыми, слышишь, мама?!»

Мама плакала, ерошила его волосы и верила ему.

Авторемонтная мастерская постепенно превратилась в автосервис люкс. Роман был нарасхват. Его ценили и платили ему все больше.

В ожидании, пока он заработает деньги на собственную квартиру, Роман снял отдельное жилье, чтобы увезти маму из коммуналки. Он запретил ей мыть полы, он сводил ее в магазины, где она не очень охотно – уступая сыну – выбрала два нарядных платья…

Она даже стала выходить гулять!

А потом оказалось, что у мамы неизлечимый цирроз печени.

– И она умерла, – сухо закончил Роман.

Лана молчала. Она совсем не ожидала услышать столь горький рассказ. Затащила парнишку больше для того, чтобы поговорить с ним насчет девушек, – отчасти самой позабавиться (поскольку ей нравилось его провоцировать), отчасти и помочь: она была уверена, что дело просто в юношеской зажатости, от которой она неплохо умела избавлять. По правде говоря, она была психологом-сексологом и легко справлялась с комплексами половозрелых юношей.

Услышанное ее расстроило. Во-первых, ей стало жалко парня; во-вторых, ужин в ресторане был испорчен. Подобные истории являются плохой приправой к изыскам гастрономии, а общество красавчика вовсе не послужило ей обрамлением на вечер, как ей того хотелось. Вместо того чтобы видеть восхищение в его глазах, она видела в них две крошечные слезинки. И ей почему-то казалось, что они такие концентрированные, такие едкие, что если до них дотронуться, то они прожгут палец, как серная кислота…

Признание

В ноябрьские дни темнеет рано, и о появлении в скверике Степана объявлял веселый галоп Пенса, который, завидев коляску, мчался к ней прямым ходом через все газоны. Спустя минуту появлялась в поле зрения Александры и высокая фигура в куртке с капюшоном – Степан следовал за своей собакой.

За недели Александра привыкла его видеть почти каждый день и сопровождать свою прогулку приятной беседой. Степан был весьма не глуп, хотя иногда излишне резок в суждениях. Но это по молодости лет, в юношестве мы все такие! Он не был галантен, но был вежлив, и ей это тоже нравилось в нем. Она с интересом присматривалась к молодому человеку. Как журналистка (или просто по складу характера), Александра была пытлива и вдумчива, и Степан ее искренне заинтересовал.

Очевидно, что вырос он в семье простой. Обеспеченной, судя по его весьма приличной одежде, но не интеллигентной. И посему мысли Степана, даже какая-то тонкость в поведении, были его личной заслугой. Он наработал к своему юному возрасту определенный личностный багаж, а Александре всегда нравились такие люди.

К тому же, будучи красивым юношей – яркий шатен с тонкими чертами лица, – он не выявлял никаких признаков тщеславия, озабоченности внешностью. Он не старался произвести на нее впечатление – такие вещи Александра, имевшая поклонников всех возрастных и социальных категорий, очень быстро улавливала. И это ей тоже было весьма симпатично. Она даже рассказала о нем Алеше, а тот порадовался. Александра, привыкшая по роду своей журналистской профессии к широкому и шумному общению, вынужденно сузила свой мир до детей и дома. Она не жаловалась – в конце концов, это был ее личный выбор! – но Алексей чувствовал, что она немного задыхается в разреженной атмосфере четырех стен. Так что этот мальчик хоть и не мог заменить всего того, в чем нуждалась Александра, но все-таки немного скрашивал ее добровольное затворничество…

На исходе двух недель между ними установилось что-то вроде дружбы – со всеми оговорками разницы в возрасте, разумеется. Дети узнавали Степана и радовались его появлению, но особенно они радовались Пенсу, который никогда не пропускал их коляску без того, чтобы не «поздороваться» с малышами. Они безбоязненно цеплялись ручками за его длинные рыжие

уши, а пес клал голову им на колени поверх одеяльца и позволял делать с собой что угодно, только иногда вскидывал на них из-под рыжих бровей свои карие, как у его хозяина, глаза, словно хотел сказать, что он их любит.

В общем, все шло чудесно. Пока не наступил день, в который Александре пришлось отругать себя за опрометчивость и недальновидность: Степан признался ей в любви!

Даже в темноте было заметно, как зарумянились его щеки…

Некоторое время она молчала, ошарашенная неожиданным поворотом дела. Александра не имела обыкновения щадить своих поклонников, но Степана ей обижать не хотелось. Мягко, очень мягко, она напомнила парнишке, что она намного старше его и годится, с некоторой натяжкой, ему в матери. Напомнила ему и том, что она замужем и у нее, как он прекрасно знает, имеются дети… В связи с чем ей не совсем понятно его увлечение, которое она относит за счет того, что он принял свои теплые дружеские чувства за влюбленность… В чем, без сомнения, ошибается. И она будет ему признательна, если он сумеет проанализировать эти чувства, поймет, что речь идти может только о дружбе, – и они оба забудут этот разговор, как будто его никогда и не было.

В ответ Степан неожиданно притянул ее к себе и поцеловал в губы. Поцелуй его был неумелым, но полным чувственности.

Александра не вырывалась – просто холодно и спокойно вывернулась из его рук. Не хотелось ей пускать в ход против Степана все свои отработанные навыки обращения с ненужными поклонниками, но он не оставил ей выбора, увы. Ледяным тоном (а она это умела, да как!) она объяснила мальчику, что если он не научился разбираться в собственных чувствах, то это его личные проблемы, но она, Александра, никогда не давала ему повода заподозрить за ее дружеским расположением (о котором он заставил ее пожалеть!) возможность иных отношений с ней; что его жест она находит абсолютно неприемлемым и просит его впредь гулять по другим аллеям сквера и по возможности в другое время. И главное – вне зависимости от того, понял он ее или нет, – он больше рассчитывать на ее дружбу не может и пусть не пытается приближаться к ней.

Вечером она рассказала о неожиданном повороте мужу.

– Если хочешь, я с ним поговорю.

– Алеш, я большая девочка. И отшивать тех, кто зарывается, научилась давно-предавно. Не волнуйся. Просто досадно. Такой, казалось, симпатичный парнишка… Ты же знаешь, я не люблю разочаровываться в людях.

– Саш, оттого, что мальчик влюбился в тебя, еще не значит, что ты в нем должна разочароваться!

Александра посмотрела на мужа. Он ее совсем не ревнует! Ни капельки, никогда! Он ей так безгранично доверяет? Или он начисто лишен собственнических чувств?

Это здорово… Это просто гениально! И все же она чуть-чуть обиделась. Ей, кажется, хотелось, чтобы он немножко поревновал… Но Алеша был непробиваем, как доисторический мамонт!

– Если бы он просто сказал о своих чувствах, то да, ты прав. Но он поцеловал меня! Я не давала к этому ни малейшего повода, но он позволил себе подобный жест. Ты не находишь, что это перебор?

– Нахожу.

– И ты не ревнуешь?!

– Нет.

– Почему?..

– Ну, ты же в него не влюблена?

– Нет.

– Так отчего же мне ревновать, Саш?

Действительно, отчего?..

Степан исчез с тех пор. Точнее, не совсем исчез: она видела его в отдалении. Пенс по-прежнему прибегал к коляске, общался с малышами. Разница состояла в том, что Степан не приходил вслед за ним, только свистел издалека: звал пса обратно к себе. И подолгу смотрел на Александру.

Она не видела его глаз – на таком расстоянии да в сумерках это невозможно. К тому же он обычно натягивал на голову капюшон – что неудивительно при такой погоде, – бросавший дополнительную тень на его лицо. Но ей казалось, что парнишка сожалеет о сказанных словах. И о том неуместном поцелуе.

Об этом она тоже рассказала мужу.

– Саш, – ответил он, – ты красивая и обаятельная. Немудрено, что пацан попал под твои чары. И принял свое восхищение тобой за влюбленность. В его возрасте это простительно, ты не находишь?

– И что ты предлагаешь?

– Я? Ничего. Но если это была дружба, которой тебе жаль, и если ты думаешь, что он раскаивается в неуместном порыве, то, наверное, его можно извинить?

От него с ума можно сойти, от Алеши! Его великодушие, отсутствие всяких собственнических чувств ее почти возмущали…

И заставляли любить его еще больше.

Тайны чемодана

Так и не удалось Коляну заполучить себе в союзники Васяна. Он уступил, и в тот вечер они душевно попили водочки. Но любопытство не прошло. И у него стало уже привычкой: чуть жилец за порог – Колян шасть к нему в комнату! Там имелись шкаф, диван и письменный стол, и инвалид исследовал полки да ящики чуть ли не каждый день. Но ничего, кроме журналов для женщин, нескольких книжек по истории, экономической географии и толкового словаря, он не находил.

И оттого чемодан парнишки привлекал его все больше и больше… Но по врожденному чувству деликатности Колян ни разу не покусился на него. Шкаф, стол – это вроде как собственная его, Коляна, мебель, отчего и нос туда сунуть не зазорно, так ему представлялось. Но чемодан – он был личной собственностью жильца. И как ни хотелось Коляну в него заглянуть, а все же он удерживался.

Митя – так звали квартиранта – в последнее время стал работать в ночь. Приходил домой утром, заваливался спать, а уходил в сумерках. Ноябрьские ночки долгие, к пяти уже темень.

По утрам его Колян не видел – он вечерком выпивал с Васяном, а потом спал долго. Зато уходы квартиранта не прошли мимо его внимания. Тот все как-то норовил бочком, не зажигая света в прихожей, поскорее смыться, чем только раззадорил любопытство бывшего таксиста. И как-то он, заслышав шум открываемого засова, выкатил из своей комнаты.

– Как жизнь молодая, а?

Митя замер у входной двери, не оборачиваясь.

– А чего ты в темноте-то? Свет бы зажег.

Митя молча нажал кнопочку, и прихожая залилась неярким светом.

– Я смотрю, ты все ходишь куда-то… Трудишься?

– Тружусь.

– Деньги зарабатываешь?

– Да.

– Всех денег не заработаешь, – глубокомысленно произнес Николай Петрович.

– Ну, всех, конечно, нет… Я на квартиру. Квартиру хочу купить.

– Это дело правильное… А ты чего спиной-то стоишь? Поговорил бы со мной чуток, все ж не чужие, в одной квартире живем!

Митя нехотя обернулся. Капюшон был низко надвинут на глаза, снизу лицо пряталось в большой теплый шарф. Только глаза его блеснули.

– О чем вы хотите поговорить, Николай Петрович?

– Ну, спросил бы, как здоровье мое.

– Как ваше здоровье?

– Да ничего, спасибо, не жалуюсь. За помощь твою, с коляской, хочу тебя поблагодарить…

– Да вы уже благодарили!

– Благодарность лишней не бывает, – назидательно произнес Колян.

– Ну, хорошо. Я очень рад, что смог немножко облегчить вам жизнь.

– Вот видишь, есть о чем поговорить! А выпить со мной не хочешь?

– Я не пью, Николай Петрович. И к тому же я тороплюсь.

– Жалко. Ну, иди.

– Пойду.

– Постой-ка! Что это твое лицо… Погоди. Ты загорел, что ли?

Инвалид подкатил поближе. Парень молчал.

– Точно, загорел! И где же это ты? Вроде на юга не ездил!

– Вам показалось. Здесь свет тусклый. Николай Петрович, вы меня извините, я спешу. Мне… Я на работу опаздываю.

Митя вышел из квартиры. Колян постоял в коридоре, подумал-подумал да порулил в комнатку жильца. На этот раз он был полон решимости открыть заветный чемодан.

Он положил его на диван, подергал замки: заперты. Но чемодан простенький, без кода, а с простыми замками Колян управляться умел.

Он вернулся в свою комнату, полез в ящичек, где у него находились иголки, катушки ниток и несколько разрозненных пуговиц, давно оторвавшихся от каких-то вещей, да так и не пришитых. Там он откопал английскую булавку. Распрямил ее, острие загнул – отмычка готова!

Замки поддались сразу же. Колян откинул крышку.

Чемодан был довольно большим, но если считать, что парень таскал в нем весь свой нажитый скарб, так и не очень. Несколько рубашек, пара футболок, три свитера, еще джинсы. Почему он их не положил на полку в шкаф? Живет, как в гостинице, из которой собирается съезжать! А ведь сказал, когда по рукам ударяли, что снимает «на несколько месяцев, а там посмотрим»…

Николай Петрович аккуратно копнул одежду. Под ее слоем обнаружился другой. Который поразил его настолько, что, когда Васян заявился, он первым делом потащил друга в комнату жильца. Открыл чемодан, отложил одежду в сторону.

– Смотри!

Васян наклонился и поправил очки. Потрогал разные вещи. И разогнулся в полном недоумении, держа двумя пальцами тюбик.

– Что это?

– А почитай, что написано!

– Крем-пудра…

– А вот на это глянь!

Колян выложил на стол еще несколько удивительных вещей: большой флакон средства под названием «Автозагар», пудреницу с золотыми завитушками на крышке, картонную коробку, на которой была нарисована яркая брюнетка, и еще совсем маленькую коробочку.

– «Автозагар», Вась, это как? Не пойму я что-то. Загар для машины?

Васян в ответ то ли крякнул, то ли хрюкнул. Поняв звук как насмешку, Николай Петрович поспешил исправиться:

– Или чтобы в машине загорать?

– Ну ты темнота, Колян!

– Куда уж мне, я в бабьем царстве не живу! – оскорбился инвалид. – И всякие там примочки-прокладки знать не знаю, бог миловал, чарочку ему надо налить за это!

– «Авто» – значит «сам».

– Сам загораешь? – недоверчиво переспросил Николай Петрович. – А бывает разве, что не сам? Что кто-то другой вместо тебя?

– В смысле, что крем сам!

– Крем загорает??

– Не, ну ты отсталый! Крем на себя мажешь, а он тебя «загорает»!

– Вот оно как… Ты прикинь, я сегодня его отловил в прихожей: загорелый вроде стал. А все, значит, от этих кремов самозагарных? Так выходит, что автомобиль потому «авто», что сам ездит?

– Ну да.

– Во дела. Всю жизнь проездил, а не знал, что автомобиль с иностранного – это «самоход»…

– Тогда уж «самоезд»!

– Тоже можно… А вот скажи, почему «самолет» у нас по-русски, а «самоезд» по-иностранному?

– Не, ну ты, Колян, как спросишь! Мне почем знать? Давай лучше глянем, что тут еще!

Маленькая коробка содержала две маленькие кругляшки голубого цвета и две зеленого. Васян и тут исхитрился блеснуть познаниями.

– Линзы. Для глаз такие штуки. Внучка у меня этим делом развлекается. В один день у нее глаза голубые, в другой зеленые, а то и вовсе фиолетовые какие-то!

– Это что же, она в глаза себе вставляет? – недоверчиво спросил Колян. – Разве можно в глаза что-то вставлять? Тут соринка крошечная попадет, так наплачешься, а эти штуки здоровые как же?

– А хрен его знает. Говорю, в глаза вставляет!

Друзья задумались на некоторое время, но ничего толкового не придумали.

– Я у внучки спрошу, – решил Васян. – Что-то я раньше не интересовался, а теперь и впрямь спрошу, почему она не плачет от них…

Коробка с брюнеткой оказалась краской для волос, о чем свидетельствовала внимательно прочитанная друзьями надпись на ней, вызвавшая новый приступ жгучего недоумения.

– Колян, как думаешь, зачем молодому мужику все это?

– Голубой, думаю, – солидно ответил Колян.

– Ты это уже говорил!

– Ну, теперь подтверждаю.

– А я вот думаю: не шпион ли он?

– Не, ну ты как скажешь! Стал бы шпион у меня комнату снимать?!

– Кто его знает… А зачем ему краска темная для волос? Он и так темный!

– А красочка-то для женщин!

– Ну, хорошо, пусть, по-твоему, он голубой. Но зачем красить темные волосы в темные? Другое дело, если бы в светлые покрасился!

– То-то и оно, – глубокомысленно произнес Колян.

Сложив одежки Мити обратно, он закрыл чемодан. Друзья и собутыльники убыли на кухню, где жизнь и судьба квартиранта служила им еще пару часов отличной темой для беседы под водочку.

Примирение

Может, Алеша прав и мальчика следует извинить? Александра, собственно, на него не сердилась. Она просто, наученная опытом, старалась пресекать посягательства незамедлительно. Неважно, отчего и почему эти посягательства случались. Они исходили иногда от женщин – старых знакомых или новых, претендующих на дружбу с ней, – и Александра ясно видела, что претендентками на дружбу руководит желание притереться не к ней лично, а к ее известности, к ее доступу «в сферы». Или бывало еще так, что новоиспеченная «подружка», почитая отчего-то Александру за духовника и могущественную покровительницу, намеревалась вывалить ей в подол все свои беды и комплексы, кои перетряхивать в своем «подоле» Саша не имела ни времени, ни желания. Привыкшая к строгому счету к самой себе, разбиравшаяся всегда самостоятельно со своими бедами и комплексами, Александра подобные намерения почитала малодушием и склонностью к «халяве», оттого быстро их пресекала.

Что же касается мужчин, то с ними было еще проще. Им кружили голову ее известность, неприступность и, без сомнения, женское обаяние. Но последний пункт ложился в основу двух предыдущих – то есть привлекала она мужчин поначалу как женщина, но их самолюбие шло дальше. Оно шло по пути *завоевания*. Если бы она была просто хорошенькой женщиной, они бы чуток погарцевали и успокоились. Но в том-то и дело, что она была «не просто»… Ее статус вкупе с неприступностью, о которой ходили чуть ли не легенды, делали ее недосягаемой. И оттого желанной. Мужчина ведь по природе охотник.

Александра не любила «охотников». Может, потому, что не желала себя сводить к определению «добыча».

Как бы то ни было, она действительно на всех этих людей не сердилась, не обижалась. Она просто избавлялась от них.

Но в Степане было что-то иное. Трогательное. Он происходил явно из простой семьи, о чем свидетельствовала его речь, но она вдруг принимала неожиданный терминологический лоск, когда он заговаривал об истории. Значит, он сам до всего дошел, своей головой, и его желание заниматься историей было неподдельным: совершенно очевидно, что его в Историко-архивный институт не мама с папой отправили. Это был его личный выбор – значит, настоящий. А Александра ценила все настоящее.

Кроме того, она ощущала его как мальчика, а не как мужчину-охотника… Мальчика, которому, несмотря на то, что он ни слова не сказал ей о каких бы то ни было проблемах, не хватало любви. Не женской, нет, просто человеческой. Так бездомный пес прибивается к ногам и начинает следовать за вами по всем улицам… Отчего? Бог весть. Скорее всего, «простая семья» была непростой… *Проблемной*.

И сейчас, после Алешиных слов о прощении, она смягчилась. Степа – совсем ребенок, и ее защитное душевное «карате» с ним неуместно!

Вот почему однажды, завидев Пенса-Пылесоса и за ним, на расстоянии, фигуру Степана, она махнула ему рукой.

Он долго смотрел на нее издалека. Видимо, сомневался в том, правильно ли понял ее жест. И тогда Александра сделала еще один: на этот раз она не просто помахала ему приветственно, но поманила его.

Он приблизился. Осторожно, словно не веря. Подошел. Посмотрел на нее немного вопрошающе.

– Давайте будем считать это недоразумением, Степан, – произнесла Александра.

– Простите меня.

– Проехали, – усмехнулась она.

– Я не хотел… Я просто… Не знаю, что на меня нашло… Этого больше не повторится, клянусь!

– Проехали, – с нажимом повторила она.

Александра не любила, когда перед ней долго извиняются.

Неловкость царила еще минут пять, но вскоре их беседа потекла по уже освоенному ранее руслу. Они взахлеб обсуждали историю и современное состояние общества – тут Александре было что сказать! Степан слушал, иногда спорил, иногда переспрашивал – в общем, контакт восстановился. Притом что на этот раз границы были четко очерчены, и Степан не сделал ни малейшей попытки их перейти.

Александра это оценила. В конце концов, человека определяют не ошибки, а их осознание! Она их тоже сделала немало в своей жизни и точно знала, что ценность не в них, а в уроках, которые мыслящий человек способен из них извлечь.

Вечером она сказала Алеше, что Степан прощен.

– Я рад, – ответствовал Алеша.

И Александра вновь подивилась его неревнивости. Или великодушию?

– Он ведь даже младше Игоря, – добавил он.

Игорь, секретарь и помощник частного детектива Алексея Кисанова, имел двадцать три года от роду.

– А мое дело с Измайловой[1] помнишь? Когда Катя устроила сцену в ресторане, представляя меня как жениха, а позже предложила мне с ней переспать, – ты ведь не ревновала, верно? Ясно, что девчонке нужна была помощь, понимание, вот и все.

– А когда Майя?..[2] – неожиданно для самой себя хлестко спросила Александра.

– Саш… Мы с тобой всегда избегали этой темы… Нужно ли сейчас?

Она молчала.

– Хорошо, раз ты настаиваешь… Она манипуляторша. Она сумела создать у меня ощущение своей полной беззащитности.

– Поэтому ты с ней спал?! Да?!

Алексей не ответил.

– А если этот Степа – манипулятор? И он меня соблазнит? И я дойду до того, что отвечу ему?!

Он вскинул на нее глаза:

– Саша, как будет, так и будет.

– Не понимаю, ты не возражаешь, так, что ли?

– Если тебя этот мальчик волнует… Я не думал об этом, когда говорил тебе о прощении… не предполагал такой возможности, скажем так. Но если подобное случится, то мои возражения ничего не изменят.

Он умолк. Но Александра поняла, что он имел в виду.

– Он меня НЕ ВОЛНУЕТ, Алеша. Просто… Что-то в нем есть трогательное. Трудно объяснить.

– Саша, это тебе решать, и только тебе. Хочешь его немножко поддержать, дав ему ощущение, что он чего-то стоит в твоих прекрасных глазах, – дай. Но, пойми, я этого пацана в глаза не видел и судить не могу. Если тебе кажется, что он не стоит твоих душевных затрат, то гони его! Вот и все.

– Он стоит.

– Тогда веди себя с ним так, как считаешь нужным.

---

[1] См. роман Татьяны Гармаш-Роффе «Роль грешницы на бис», издательство «Эксмо».

[2] См. роман Татьяны Гармаш-Роффе «Ведьма для инквизитора», издательство «Эксмо».

Она пожала в ответ плечами, сама точно не зная, что именно хотела этим сказать.

– Но все же, – добавил Алексей, – присмотрись к нему повнимательней. Надеюсь, что он не манипулятор…

Саша едва заметно улыбнулась. Все же она добилась своего: Алеша забеспокоился! В глубине души она не смогла простить ему Майю – зла не держала, нет, но какая-то заноза осталась. Она не жаждала мести, отнюдь нет, – но дать ему ощутить себя на ее месте, этого, пожалуй, ей подспудно хотелось. Просто чтобы он узнал, каково это: оказаться на ее месте. Просто чтобы он это прочувствовал на собственной шкуре!..

Пес в ренту

Лана дружить с Романом не прекратила. Но перестала кокетничать, взяв легкую, едва заметную дистанцию. После того вечера в ресторане в его поведении, взгляде возникла едва ощутимая нотка тепла, которой не было прежде, – он стал относиться к ней как к единственному в мире человеку, которому доверил свой секрет, свою боль…

Проблема же заключалась в том, что такого доверия Лане не было нужно. Причем совсем! От его исповеди, на которую она сама же опрометчиво его спровоцировала, у нее остался осадок. Роман был неплохим мальчишкой по складу, да, но в нем ощущалось что-то тяжелое. Слишком часто он говорил тогда, в ресторане, об *утраченномсчастье*. За этими словами чувствовался счет к кому-то… Собственно, ясно к кому: к отцу. Ощущалось яростное желание реванша… И даже больше: мести.

Лана была психологом и специалистом по сексуальным проблемам, да, но погружаться в чужую грязь она готова только на условиях высокой оплаты ее услуг. А безродный мальчишка – пусть и красавчик, милашка и отличный ремонтник – это не ее клиентура. У нее нет никаких причин, чтобы заниматься его проблемами, коль скоро он ничего не дает ей взамен – даже возможности пококетничать с ним и насладиться своими чарами.

Поэтому, когда он сказал ей, что хочет познакомиться с девушкой, но не знает, как к ней подступиться, она испытала что-то вроде облегчения. Девушка возникла очень кстати! Пусть теперь он ей рассказывает о своем горьком детстве!

Посему Лана охотно пустилась давать советы. И предложила ему ход: собачку! Гуляя с собачкой, он будет иметь сто поводов вступить в разговор с девушкой!

– Но у меня нет собаки…

– Зато у меня есть! Выбирай любую, мои псинки тебя любят, как родного!

Она мелодично засмеялась добрым смехом, хорошо отработанным на клиентах. Хоть Лана и была психологом, она так и не смогла понять, отчего они не чувствуют искусственности этого смеха и находят его теплым, искренним и даже завораживающим… Бедные люди, бедные! Их так легко обмануть! Они так глупы…

Лана была очень невысокого мнения о людях. Включая своих пациентов. Или даже особенно их.

Роман выбрал самого крупного, медно-рыжего ирландского сеттера, – ну что ж, это понятно. Это мужской выбор.

– А как вступить в разговор? – спросил он.

– Очень просто! Стоит только провести пса мимо этой девушки. Ирландский сеттер – натура впечатлительная, эмоциональная. Он реагирует на все и на всех. Он может напугать предмет твоих воздыханий неожиданным скачком, а может, наоборот, сам испугаться, и еще он способен внезапно воспылать к ней симпатией и попытаться ее «поцеловать», в смысле облизать… Сам знаешь, какой он.

– И что? – От Романа ускользал ход мысли Ланы.

– Как «что»? Повод для разговора будет!

– Понятно.

За своего любимца Лана не волновалась: парнишка и животные давно нашли общий язык, и за пса она могла быть спокойна. Как и за свою машину. И собаки, и машины были в надежных руках Романа. Чего Лана бы не сказала о людях. В руках Романа она бы не очень поручилась за их безопасность. Слишком много счетов к человечеству накопилось у этого юного красавца…

– Вась, – возбужденно говорил Колян в очередной вечер, усаживаясь с приятелем на кухоньке. Водочка уже стыла в холодильнике: квартирант купил ему бутылочку, побаловал хозяина тонким пониманием его души, а Васян принес на закусь копченую курицу. – Слышь, это не автозагар! Я видел, он в ванной все смыл!

– И как это ты видел? В ванную с ним, что ли, ходил? – недоверчиво спросил приятель.

– Да я проснулся, пить захотелось, сушит змий зеленый горло-то! Ну и слышу, жилец явился. Я в комнате подождал своей: чего делать будет, интересно? Ну, в ванную парень пошел. И я тихо так, моторчик не включал, руками колеса подкрутил. Дверь в ванную была приоткрыта маленько, он же знает, что я в такое время сплю, вот и не опасается. И я увидел! Лицо мыл-мыл, и оно снова белое стало! Понимаешь теперь?

– Ну, дела. Пудрился, выходит?

– Выходит! Точно голубой!

– Может, все-таки шпион?

– Зачем шпиону снимать комнату у меня? У него другие бабки должны быть, за шпионскую работу платят хорошо!

– Так для конспирации! Чтобы никто не подумал!

Николай Петрович озадачился. Аргументов против шпионской версии у него не нашлось, а возразить хотелось: Васька всегда ухитрялся обставить дело так, что выходил прав.

– А вот еще что, – продолжил Колян, так и не найдясь. – Вчера он меня спросил, нельзя ли ему собачку приютить на некоторое время!

– С улицы подобрал? – меланхолично поинтересовался Васян, отламывая куриное крылышко. – Ты бы, Колян, построже к этому отнесся: блох набежит, будьте-нате!

– А вот и не с улицы! Девушка у него есть! Уехала она куда-то и собачку ему доверила!

– Дык выходит, что он не голубой! Раз девушка!

– Выходит…

– И даже не шпион. Шпионы шуры-муры не разводят. У них профессия суровая.

Колян чуток погрустнел: поле его сыскной деятельности сужалось. Но сдаваться ему не хотелось.

– А как же все эти причиндалы в его чемодане? Что за маскарад такой, если он не голубой? И даже не шпион?

– Дык, эта, может, он для девушки старается?

– Васян, ты когда-нибудь видел мужика, чтобы для девушки загорал, пудрился, красился?

– Не видел.

– От то-то!

– Колян, узко на вещи смотришь! Я не видел, и ты не видел, но он же другое поколение! Смотри, чего по телику гонят: всякие там средства, чтоб волосы завивать или торчком ставить, и татуировки, и даже про пудру я недавно видел! Для мужиков пудру, слышь? Они все какие-то звезданутые, молодые. Не то что мы с тобой. Мы – мужики! А они так, шелупонь… Нынче бабы в сильный пол метят, понял? А мужики прихорашиваются и им понравиться стараются!

– Да то педики!

– Отстал ты от жизни, братан. Молодые, они сейчас все такие. И твой квартирант туда же. Девке хочет понравиться. Девки теперь парней выбирают, понял?

– А чего ж твоя-то дочка не выбирает? Сидит бобылкой на твоей шее с ребенком… Вот бы и выбирала, раз такие дела теперь закручиваются и бабы такие прыткие стали!

– Э-э-э, нет, моя – это мое воспитание, правильное! Да и не соплячка она, как эти. Скажи, на кой хрен ей мужик, который о геле для волос думает? Или о татуировке в причинном месте?! Ей солидный нужен, чтобы о семье думал! А эти все – шелупонь, одно слово! Так ты насчет собачки согласился?

– Согласился.

– И где собачка?

– А он как вчера с ней явился, так все время с ней мотается. И на работу ее с собой, потом домой, и снова с ней ушел.

– Не беспокоит тебя?

– Нет вроде. Дисциплинированное животное.

– «Кабысдох» какой?

– Не, породистый. Исландский сеттер вроде. Рыжий такой.

– Ирландский. Не исландский, а ирландский, понял? У нас во дворе одна дамочка с таким гуляет.

– Ты, Васян, вечно выпендриваешься, опустить меня норовишь!

– А я че, виноват, что ты неправильно называешь?

– Я по дворам не гуляю! У меня где ноги-то, чтоб гулять?!

– Ладно, ладно, не кипятись. Давай лучше еще дернем, Колян…

Особенности детского питания

Спустя несколько дней Алексей поинтересовался, как обстоят дела с юным Сашиным поклонником.

Они ужинали в ресторане, что случалось нечасто с тех пор, как родились близнецы. Отчего они особенно дорожили мгновениями, когда оказывались вдвоем, наедине: мужчина и женщина, объединенные своей любовью, – а не папа и мама, объединенные детьми.

– Нормально, – ответила Александра. – Об истории разговариваем, о жизни.

– Он тебе что-нибудь рассказывал о себе?

– Родители развелись, когда он маленьким был. Я лишних вопросов не задавала, Алеш. Чувствуется, что у мальчика какая-то травма, возможно, из-за развода.

– Он больше не пытается тебе признаваться в любви?

– Нет. Я уверена, что я для него на самом деле «женщина с младенцем», то есть образ матери… который его подсознательно влечет из-за этой детской травмы. И он просто не разобрался в себе, не понял, неверно объяснил свои чувства, принял одно за другое.

– А теперь понял, думаешь?

– Я, как ты догадываешься, не спрашивала… Но, судя по тому, как изменилось его поведение, – да. Ты почему спрашиваешь? Ревнуешь? – усмехнулась Александра.

– Не дождесси!

– Да я и не жду, собственно, – пожала плечами она.

– Ждешь-ждешь, мечтаешь прямо!

Александра рассердилась. Она понимала, что Алеша шутит, прикалывается, но отчего-то рассердилась… Впрочем, она знала отчего: это призрак Майи вернулся.

– Если ты не ревнуешь, то я не понимаю, отчего ты так подробно расспрашиваешь, – холодно сообщила она.

– Мне нужно уехать на несколько дней, Сашенька. Моя помощь нужна коллегам на Урале. Там сложное дело, маньяк объявился, милиция не справляется, ни одной зацепки не нашли… Среди населения паника, городские власти требуют немедленно его поймать, в общем, все как всегда. Я не могу отказать, тем более что после дела с Бенедиктом я прослыл отчего-то спецом по маньякам…[3] И я хочу быть уверен, что никаких новых приключений с твоим поклонником не случится.

Александра испытала легкое разочарование. Он и в самом деле не ревновал!

Ну и ладно, очень хорошо, замечательно просто.

Она заверила Алешу, что он может уезжать со спокойной душой.

…О чем она потом горько пожалела. Очень горько.

Но это было потом.

А пока они заканчивали свой ужин в ресторане, перейдя к обсуждению последней статьи Александры, и не предвидели беды.

После разговора с Алешей она все же решила, что будет нелишним разузнать побольше о Степане. Она и впрямь вполне отчетливо ощущала: Степана тянуло к ней, и была уверена, что юноша (ей нравилось это старомодное слово), заплутав в своих детских комплексах, увидел в ней женственный образ матери и по незрелости принял свое чувство за влечение к женщине.

Но из этого предположения следовало и другое: что не только развод родителей оставил отпечаток в детской душе, но еще что-то иное, связанное с матерью, – и именно с ней.

Вот почему она в следующую же с ним встречу – а они случались едва ли не каждый день, Степан подрабатывал где-то в ночную смену, и их часы выгула детей и собак совпадали – она задала осторожный вопрос.

– Мама умерла, – сдержанно ответил Степан. – А в последние годы она сильно пила. Не оправилась от развода. Отец нас бросил, вот она и пила.

Все встало на свои места. Живое воображение Александры мгновенно нарисовало картину пьющей матери, которая алкоголем пытается вытравить боль от предательства мужа… И жизнь ребенка при ней. Несладкую жизнь.

– Она тебя любила? – спросила Александра.

– Да, – хмуро ответил Степан. – Очень.

Александра не слишком ему поверила. Неблагополучные дети нередко создают мифы о своих родителях, она это знала. Очень любила мать Степу или не очень, а все меньше, чем мужа, коль скоро сын не стал для нее стимулом для того, чтобы завязать с алкоголем. Есть женщины, которые созданы для любви к мужчине, и есть женщины, которые созданы для любви к детям. Женщины-женщины и женщины-матери.

Александра старалась сочетать в себе обе грани, и ей это вроде бы удавалось. Возможно, потому, что ее дети поздние, пришедшиеся на пору ее душевной зрелости, умения разбираться в собственной душе и управлять своими чувствами?

Или ей это удавалось потому, что Алеша был таким – мужем, любовником, отцом, – что ей не приходилось жертвовать собой ни в одном своем женском качестве, ни в одной своей ипостаси? И гармонией своего женского и личностного «я» она обязана именно ему, Алеше?

Как бы то ни было, подобная гармония, в идеале будучи нормой, в реальности оказывалась большой редкостью. И Александра ценила ее.

А матери Степы явно не повезло. Была ли она идеальной жертвой (в строгом соответствии с нестрогой наукой виктимологией), или что иное вмешалось в ее отношения с отцом мальчика, но предательство мужа убило в ней женщину… И мать тоже. Вот почему от Степана

[3] См. роман Татьяны Гармаш-Роффе «13 способов ненавидеть», издательство «Эксмо».

веяло какой-то почти потусторонней тоской, которая иногда проскакивала в их общении. И вот почему он увлекся ею, Александрой, – теперь это яснее ясного!

После скудной откровенности Степана Александра немного напряглась: а ну как юноша готов понести ей свои нерастраченные сыновние чувства? Она никак не годилась ему в матери, и на подобные чувства ответа у нее не имелось. Она жалела его, но… с сублимациями должен иметь дело психолог, и Александра не имела намерения брать на себя подобную роль.

Пару последующих встреч она вела себя несколько сдержаннее. Но и Степан вел себя сдержанно. Словно учуял ее сомнения и хотел своим поведением дать ей понять, что ни на что не претендует, не покушается…

Она оценила это. И немного расслабилась. Тем более что дети привыкли к Степану и к собаке, радуясь их появлению. И он тоже им радовался. Даже немного опекал: то беспокоился, не холодно ли им, то спрашивал, не голодные ли. И интересовался подробностями их питания и распорядка дня.

– Вы будете хорошим отцом, – сказала ему Александра. – Мужчины нередко воспринимают таких маленьких детей как какие-то личинки… Но они не личинки – они уже личности!

– Конечно, – удивился Степан, – конечно, личности! Причем такие разные. Кирюша – философ, а Лиза, наверное, будет поэтессой. Или художницей. Даже скорее художницей. Мне так кажется.

Александра усмехнулась. Художницей или кем там будет Лизавета, но Степан точно подметил впечатлительность ее натуры, равно как и флегматичность ее братика.

– Любопытно, – ответила она. – А кем станет, по-вашему, Кирюша?

– Ну, я так не могу сказать… Может быть, бизнесменом. Или адвокатом… Там крепкие нервы нужны.

Александра не пожелала бы своему сыну ни того, ни другого, но со Степаном не могла не согласиться: для таких профессий и впрямь нужны крепкие нервы. Или даже их тотальное отсутствие.

– А почему у них щечки такие красные? – спросил Степан.

– Диатез.

– ?

– Род аллергии, – пояснила Александра. – Пищевой.

Степан принялся расспрашивать, и она пустилась в небольшой экскурс по поводу особенностей детского питания и аллергических реакций, удивляясь попутно, что юношу интересуют подобные темы.

– А что же делать? – озаботился Степан.

– У нас тут недалеко открыли новый магазин с большим отделом детского питания. Я как раз собираюсь в него зайти. Надеюсь найти там то, что мне нужно…

– Я вас провожу, – ответил Степан.

…Коляска с двойняшками не пролезала в створку двери магазина, и Степан предложил Александре посторожить детей.

– А в роли «злой собаки» будет Пенс, – улыбнулся он.

– Хорошо, рискнем, – согласилась Александра. – Но если малыши заплачут, зовите меня срочно!

…Они не заплакали. Степан вместе с Пенсом развлекал близняшек, и Александра, отстояв очередь, нашла всех в добром расположении духа: и детишек, и Степу с Пенсом.

Следующим этапом стала аптека, где ей требовалось купить лекарство от диатеза. Снова Степа сторожил детей, развлекая их вместе с Пенсом. В дверях аптеки, выходя, Александра на мгновение притормозила, любуясь сценой: пес положил лапы поперек коляски, Степан скло-

нился к малышам, что-то им рассказывая, а они смеялись. Он мог бы сойти за их старшего брата…

Что ж, тем лучше! По крайней мере, Александре не придется мучиться вопросами, в каком качестве он воспринимает ее.

Степан проводил ее до подъезда, и они опять говорили об особенностях детского питания, и она вдруг поймала себя на тоскливой мысли: неужели ее мир сузился до проблем *детского питания*?!

Или, если придирчиво изучить закоулки своей души, ее расстроило, что Степан больше не…

Фу, какие глупости! Просто она немного закисла дома. Нужно будет найти бебиситтера, который мог бы иногда посидеть с малышами по вечерам. Няня помогала с детьми в первой половине дня, а по вечерам Александра изредка прибегала к помощи своей мамы, стараясь этим не злоупотреблять. Бебиситтер решит проблему вечерних выходов. Пора ей потихоньку возвращаться к своей обычной жизни!

Алеши дома не было – он уехал ловить маньяка на Урал, – и она, уложив детей, села к компьютеру за статью. Она решительно не желала, чтобы ее мир сузился до детского питания!

Запах счастья

Когда он первый раз прошел мимо Александры в сквере, где она гуляла с детьми, его будто сверхсильной гравитацией к ней потащило: обнять ее, прижаться к ней, дышать ею. Он еле устоял. В груди сделалось жарко, сердце билось, как церковный колокол, с гулом, с оттяжкой. Хорошо, Пенс давал возможность отвлечься, отвернуться, сменить ход мыслей, иначе бы он пропал…

Это было желание женщины?

Или другой жизни?..

Он не знал. Только чувствовал головокружение, и сладостное, и обидное. Оно ему путало все планы. Оно ему мешало!

Позже он понял, в чем дело: от нее исходил запах счастья. У него может отличаться марка парфюма, но запах счастья ничем не замаскируешь!

Он шел за Александрой в шлейфе нежного аромата, жадно ловя его ноздрями, и даже подумал, что только его, запаха, хватило бы, чтобы сделаться самому счастливым.

Но нет, конечно же, нет, это так, шальная беглая мысль. Ему этого мало! Ему нужна она: Александра! Покорить ее, как покоряют Судьбу!!!

Она замужем, так что с того? Она свободная, современная женщина! Почему бы ей не завести молодого любовника? Нынче это остромодно! Она, Александра, – светский человек. Верность – это нынче смешно и пафосно. Предрассудок! Ее муж, вечно занятый детектив, – он наверняка не уделяет ей достаточно внимания! И потом, разве может он сравниться с молодым красивым любовником?

Нет, никак! Она клюнет. Никуда не денется. Она же Женщина! Причем красивая. Как Лана. То есть не так, иначе, но Лане он нравится, он это отлично чувствовал… Любой красивой женщине нужно признание. Восхищение. Так пишут во всех журналах!

Она не устоит, он не сомневался!

Пенс помог, и знакомство удачно завязалось. Теперь нужно было не допустить оплошности – Александра ведь старше его, опытнее… Нужно было убедить ее в своих чувствах. В своей искренности. Сделать так, чтобы она не отвергла его с ходу, как мальчишку-дурачишку.

Он, разумеется, никогда не учился в Историко-архивном институте – ляпнул, потому что одна девчонка во дворе там училась, и название заведения было у него на слуху. Но он про-

шерстил Интернет, учебники, подготовился. В конце концов, такая женщина, как Александра, стоит усилий!

И все же он чего-то не учел. Чего-то не понял, в чем-то ошибся. Или это журналы наврали?!

Как бы то ни было, но замысел его оказался провальным. Александра отвергла его.

Прогнала! Велела больше не приближаться к ней!

Она его тоже отвергла.

Он затаился. Нужно было найти способ восстановить ее доверие. На лице его, когда он смотрел на Александру издалека, отражалось чувство раскаяния. Ему даже не пришлось играть, он действительно раскаивался в том, что неверно повел себя!

В результате, как оказалось, он интуитивно выбрал правильную модель поведения: через неделю Александра смилостивилась, и он снова оказался допущен к совместным прогулкам.

…В тот день, когда он сопроводил ее в новый магазин детского питания, он зорко осмотрелся вокруг. «*Машину нужно будет поставить здесь*», – решил он, изучив окрестности. Присмотренное местечко находилось метрах в пятидесяти от магазина и смежной с ним аптеки. И это был самый удачный вариант. Только бы место для парковки не оказалось занято, подумал он. Только бы повезло…

ЧАСТЬ II
Хронология боли

День первый, ранний вечер.

Сквер и окрестности

… – Ну не скажите! Степан Разин не был революционером, вовсе нет! – пылко возражала Александра, прогуливаясь со Степой. – Он вовсе не мечтал изменить общественный строй, он мыслил себя на месте царя! Пусть и не «всея Руси», а только казачества. Да и то, все революции делались и делаются для смены власти и режима, выгодного для революционирующих: отобрать, чтобы завладеть самим. Не вижу, чем тут восхищаться. Другое дело декабристы. Уникальный случай в европейской истории: они принадлежали к имущему классу и были готовы отказаться от собственных привилегий ради идеи справедливости!

– Разве они не хотели выгод для себя? – спросил он наобум.

– Возможно, хотели, рассчитывая занять при новом царе ключевые посты. Но все же не это ими руководило. Они собирались установить конституционную монархию в стране и отменить крепостное право! Согласитесь, это благородно, если учесть, что их собственное материальное благополучие основывалось на владении крепостными душами…

– А разве так бывает?

– Что именно? – немного нахмурилась Александра.

Он спохватился. Его вопрос прозвучал наивно, наверняка студент-историк так бы не спросил.

– Я хотел сказать, что не очень верю в такое бескорыстие. Люди обычно прикрываются разговорами о справедливости и всеобщем благе только для того, чтобы получше устроить свои дела.

Александра внимательно посмотрела на него. Конечно, юноша прав, но что-то в его словах ей не понравилось.

– А вам самому, Степан, никогда не приходилось что-то делать только из соображений справедливости?

– Приходилось, конечно! – воскликнул он живо.

– Ну вот видите. Так почему вы сомневаетесь в том, что другие на это способны? Хотя, учитывая место вашей учебы, вы как раз можете специализироваться по движению декабристов и найти документы, если удастся, которые подтверждали бы ваши слова… Подождете меня пять минут? Я зайду за детским питанием.

– Конечно, – ответил он.

– Только мне не хотелось бы, чтобы вам это удалось, – обернулась она в дверях магазина. – Я, например, твердо верю, что они пошли на это ради блага Отечества… Ну, потом поговорим!

Он проводил ее глазами. Александра углубилась в помещение магазина и остановилась у стойки с баночками, внимательно их рассматривая.

Он все правильно рассчитал! Александра пошла в магазин, машина стояла в пятидесяти метрах, дети радовались жизни и Пенсу. Все складывалось наилучшим образом.

…Александра ни с кем не дружила в том обычном понимании слова, которое предполагает тесное и регулярное общение. Болтовню она не любила, делиться своими секретами

или проблемами потребности не имела, сочувствия или советов никогда не искала. Чего не скажешь о других, тех, которые постоянно чего-то хотели от нее. То порыдать в ее жилетку, то выманить совет, причем исключительно ради того, чтобы с ним спорить. Любителей данного жанра она с годами стала избегать: в юности простительно не уметь справляться со своими чувствами и с ситуациями, но в зрелые годы подобное неумение уже есть свидетельство душевного и умственного дефекта.

Тем не менее она знала, что каким-то образом влияет на людей, даже не вытирая их сопли и не поучая жизни. Человек, который думает сам, всегда услышит и чужую мысль. Примет ее или поспорит с ней – для того, чтобы эту мысль уточнить, увидеть ее в еще одном ракурсе. Вот таких разговоров и таких людей она не избегала. Таким людям можно было действительно помочь в чем-то разобраться. Не потому, что они глупее ее, а потому, что Александре давались точные формулировки мысли. Они-то и помогали тем, кто искал осмысления вещей.

С другой стороны, владея словом, Александра знала о нем очень много. Подмена одного слова другим рассказывала ей о тайных уголках души говорящего. Вот и сейчас она, рассматривая этикетку на розовой баночке с зайчиком, думала о фразе Степы: «А разве так бывает?»

Да, он быстро исправился: «Люди обычно прикрываются разговорами о справедливости и всеобщем благе только для того, чтобы получше устроить свои дела».

Верно, **обычно**. То есть очень часто. **Но не всегда!**

Тогда как первая фраза означала тотальное неверие. Она означала: **никогда**.

Но Александра знала, что человек, который считает, будто бескорыстия не существует, – небескорыстен сам. Иначе бы он точно знал: оно существует, – хотя бы в его собственной душе… Конечно, она не зря его спросила, случалось ли ему действовать лишь во имя справедливости, и он, естественно, ответил, что случалось.

Но поздно. Неосторожная фраза выдала его с головой.

И вытекало отсюда, что нужно ей к Степану присмотреться повнимательнее. Или даже не присмотреться, а прекратить с ним общение. Да, она чувствует глубоко запрятанную в нем боль и хотела бы ему помочь, да… Но на той его детской ране уже, видимо, изрядные нагноения. И с этим она справляться не умела. И не хотела. Так далеко ее благотворительные наклонности не простирались.

Обижать Степу она не собиралась, нужно будет отдалиться от него осторожно, аккуратно. Может быть, сменить часы прогулки. Или место. Сослаться на занятость, на срочную работу. В общем, разойтись с ним во времени и пространстве. Хотя даже немного жалко: малыши его полюбили. И Пенса тоже…

Расплачиваясь в кассе, Александра решила ничего не говорить Степану сегодня, но уже завтра постараться избежать новой встречи. В конце концов, она ему ничем не обязана. Свиданий ему не назначала. Он подождет-подождет и уйдет… А сейчас прогулку нужно сократить – сразу домой!

Она приготовила даже фразу о разболевшейся голове и уже выискивала его высокую фигуру глазами, чтобы фразу произнести…

Но Степана нигде не было видно. Не видно было и собаку.

Но, главное, не видно было коляски!!!

Мгновенно стало душно, в груди что-то завязалось в тугой узел, мешавший дышать. Она пробежала перед магазином в одну сторону, затем обратно. Коляски не было. Степана не было, собаки не было, да черт с ними! Главное, детей не было!!!

Ошалевшая от предчувствия беды, но все еще не веря в ее возможность, она кинулась к прохожим. Да только прохожие на то и прохожие, что они тут **проходят**. Никто ничего не видел.

НИКТО НИЧЕГО НЕ ВИДЕЛ!!!

– Степан!!! – кричала она. – Пенс, ко мне!

Никто не появился, не откликнулся на ее зов, только люди смотрели на нее, как на безумную.

«Степан, наверное, решил сделать круг вокруг дома! – мелькнула надежда. – Чтобы малыши не скучали!» Расстегнув шубку, она побежала. Поскользнулась, упала, ударилась; снова вскочила и снова побежала… Шуба развевалась, шарф выбился, волосы растрепались. Прохожие сторонились ее, оборачиваясь.

– Кирюша, Лиза, – хрипло шептала она на бегу, – найдитесь, пожалуйста, найдитесь!

И вдруг во дворе она увидела Пенса. Кинулась к нему.

– Пенс, миленький, – закричала она, – где твой хозяин? Где малыши, Пенс?

Сеттер отскочил от нее испуганно, затем, заняв оборонительную позицию – припал на передние лапы, – грозно зарычал.

– Пенс, ну ты что, не узнаешь меня? Пойдем к твоему хозяину, веди меня к нему, – проговорила она, озираясь по сторонам, в надежде углядеть в сумерках высокую фигуру Степана и коляску. – Идем, Пенс, пожалуйста!

– Что вам нужно от моей собаки? – Услышала она сердитый женский голос. – В чем дело?!

Александра словно очнулась. Перед ней стоял, ощетинившись, ирландский сеттер, да, но совсем не Пенс…

Она повернулась и пошла прочь.

– Женщина! – донеслось до нее.

Александра ненавидела это плебейское обращение, но сейчас ей было безразлично. Она даже не обернулась.

– Женщина, у вас что-то случилось?..

Случилось. Еще как случилось…

Александра снова побежала в сторону магазина. Может, Степан уже обошел дом и вернулся?

Нет. Никого.

Сквер! Степан решил погулять в сквере, как же она сразу не сообразила! Наверное, Пенс запросился по своим делам, вот он и пошел! Не мог же он оставить детей, он пошел с ними, ясное дело!

Александра бросилась через дорогу. Ей засигналила слева какая-то машина, но она даже не повернула головы. Тут же остервенело включилась другая, справа. Александра прибавила шагу.

…Она не поняла, что случилось. Ее сбила машина? Или она упала сама, почти под колеса? Она лежала на дороге, и над ней нависали заляпанные грязным снегом фары. И тут же над ее головой раздался отборный мат.

– Пьяная, что ли? – орал мужчина, подбегая к ней. – Ты, сука, дома бы нажиралась, бля!

Он грубо схватил ее, поставил на ноги.

– Целая?

Она посмотрела на свои ладони: они были грязными и красными. Наверное, разбила и коленки – щипало под брюками. Это все, что она ощутила, молнией проинспектировав свое тело в ответ на вопрос мужика.

– Ну, точно, пьянь! Или накачалась, – сплюнул он зло, заглянув в глаза Александры. – Пошла отсюда, дура, пока я тебя не прибил! Пошла, пошла!

Александра молча повернулась и побежала в сквер. В спину ей несся мат.

Прошло, наверное, еще полчаса, в которые она бегала по аллеям сквера, расспрашивала прохожих, снова возвращалась к магазину… Пока не поняла, что все бессмысленно. Дети пропали бесследно.

Рухнув на ледяную ступеньку аптеки, она закрыла лицо руками, пытаясь совладать с рвавшими горло и грудь рыданиями.

Алеша. Наших детей украли, Алеша.

Алеша, Алеша!!! Скорее!.. Она вытащила мобильный из кармана, чтобы набрать цифры, и заметила, что ей пришло sms-сообщение.

Никогда еще ей не было так жутко, как теперь! Даже тогда, когда она умирала от отравленной иглы.[4] Маленький конвертик в верхнем углу экрана был страшнее яда. Страшнее оружия. Страшнее смерти.

Негнущимся, враз онемевшим пальцем она нажала на кнопку. Буквы запрыгали перед глазами, она никак не могла прочитать их.

А когда прочитала – не могла поверить.

НЕ ВЗДУМАЙ СООБЩАТЬ В МИЛИЦИЮ ИНАЧЕ ДЕТЕЙ НИКОГДА НЕ УВИДИШЬ…

Если бы можно было взять и умереть на месте – она бы умерла. Это было бы легкое решение, куда легче, чем выносить невыносимое.

Но умереть она не могла.

Алеша не отвечал: «Абонент недоступен».

У них похитили детей, а Алеша «недоступен»?! Разве такое возможно?!

Но и на седьмой раз телефон был непреклонен: «Абонент недоступен».

Александра набрала его офис. Игорь, Алешин помощник, откликнулся сразу же…

– Александра Кирилловна, что же вы сидите на ступеньках, простудитесь!

Игорь поднял ее за локти, запахнул шубу. Ее почерневший взгляд, казалось, оставляет ожоги на его лице.

– Скажите мне, что случилось? На вас напали? Ограбили? Что?!

…Когда он услышал в трубке сдавленный голос Александры, он не сумел разобрать ни слова. Или она не сумела этих слов произнести. Игорь только понял, что случилось что-то ужасное и что она находится возле аптеки, близкой к их скверу.

– Александра Кирилловна, не молчите!

А вдруг ее изнасиловали? Как же ему разговаривать с ней… Это ведь дело такое… Деликатное…

Но, что бы ни случилось, он должен об этом знать! В отсутствие шефа он просто обязан помочь его жене!

Он осторожно тряхнул Александру за плечи.

– Прошу вас, скажите мне… Вас избили? Ограбили? Или…

– Да… Ограбили… Детей… – Он сглотнула. – Детей украли…

Игорь обомлел. Ничего себе…

Но позволить себе эмоции не мог: в этой ситуации он оказался единственным, чьи плечи внезапно всем своим грузом придавила ответственность – за первые шаги, первые действия, первую помощь. Никогда он не занимался сыщицкими делами самостоятельно, ни даже на пару с шефом, – он был всего лишь на подхвате, секретарем, помощником, ассистентом. Но сейчас первые и главные решения предстояло принимать ему, и только ему.

– Давайте-ка пройдем сюда…

Игорь заметил какое-то кафе неподалеку и, не дожидаясь согласия Александры, повел ее в помещение. К счастью, оно было пустынно. Усадил Александру, подошел к официантке и что-то сказал. Та расторопно побежала за стойку, и через минуту Александре принесли горячий кофе и пузатый бокал, на дне которого плескался коньяк.

---

[4] См. роман Татьяны Гармаш-Роффе «Роль грешницы на бис», издательство «Эксмо.

Игорю было известно, что шеф любит коньяк. И неизвестно, что Александра предпочитает джин-тоник.

– Вам нужно согреться, – прокомментировал Игорь принесенные напитки. Александра не поднимала на него глаз, и Игорю почудилось, что она знает, что они прожигают. – Пейте, пожалуйста!

Лицо ее было в грязных разводах, но Игорь не решился сказать ей об этом.

Александра смотрела на свои ободранные руки. Перчатки она потеряла. Когда выходила из магазина, наверное. Или когда бежала. Какая разница. Странно, что сумку не потеряла. Ремешок цепко сидел в меховой складке на плече, вот и не потеряла. А перчатки потеряла. Поэтому руки ободрала, когда падала. Потому что перчатки потеряла…

Детей она потеряла, вот что.

– Что у вас с руками?

Наконец она посмотрела на него. Явно не понимая, о чем он спрашивает. Игорь обошел стол, осмотрел ее безвольные ладони, затем намочил салфетку в коньяке и обтер их.

Защипало. Даже слезы навернулись на глаза. Странно, дети пропали – слез нет. А кожу щиплет – есть.

– Пейте горячее. Вы не имеете права сейчас заболеть, согласитесь! – воззвал Игорь.

Наконец она придвинула к себе чашку, размешала кусочек сахара, пригубила. Игорь счел, что можно перейти к делу.

– Прежде всего: вы Сергею Громову позвонили?

…Сергей был давним другом Алексея Кисанова, еще со времен Петровки. Алексей ушел оттуда в девяностые: «не сошлись характерами» опер и милиция, пребывавшая в расцвете коррупции. Но Серега там так и остался – с его легким характером «пофигиста» он попросту не интересовался происходящим вокруг. Его почему-то не раздражали дураки, не возмущали подлецы – при одном условии, что они не мешали ему работать.

Впрочем, эта «пофигистская» легкость распространялась у Сереги и на отношения с женщинами, отчего он до сих пор холостяковал, ловко уворачиваясь от очередной охотницы связать его узами брака. Но дружба была для него священна. Они с Алексеем много раз выручали друг друга, сотрудничая по наиболее сложным делам.

Александра, конечно же, знала, что на Серегу можно положиться, но сейчас в ответ на вопрос Игоря удивленно раскрыла глаза, словно впервые услышала это имя. Ей нужен был Алеша, муж и отец ее детей, Алеша, только он! Она Игорю-то позвонила лишь потому, что он находился в офисе *Алеши* …

Кроме того…

Она протянула свой телефон Игорю:

НЕ ВЗДУМАЙ СООБЩАТЬ В МИЛИЦИЮ ИНАЧЕ ДЕТЕЙ НИКОГДА НЕ УВИДИШЬ.

– Похитители всегда этого требуют! Но считаться с ними – это ошибка, Александра Кирилловна! Нужно Громову сообщить, поверьте мне!

В отсутствие Алеши ей ничего и не оставалось, как поверить его помощнику. Она кивнула.

– Тогда я звоню. Или вы сами предпочитаете?

Александра лишь покачала головой. Игорь попросил ее сотовый, нашел исходящий номер сообщения, переписал на салфетку и, осмотревшись, ушел в туалет, где его не могли слышать два посетителя, бармен и официантки – посторонние люди, для которых подслушанная чужая беда станет всего лишь любопытным фактом из раздела «Происшествия», коими кормится многомиллионная аудитория ежедневно.

– Громов сам не может, к сожалению, – доложил Игорь, вернувшись. – Он сейчас на выезде. Но он выслал толкового опера, который скоро прибудет. А пока расскажите мне, Александра Кирилловна, как это случилось. Подробно.

– …А потом пришло это сообщение, – кивнула она на телефон. – Вот и все.

Игорю так и не удалось поймать ее взгляд, уплывавший куда-то на волнах боли, и он прикрыл ее руку своей, словно призывая слушать его внимательно:

– Записка означает, что дети живы! И что похититель намерен попросить за них выкуп. Такого рода угрозы очень характерны при киднеппинге. Поэтому – вы меня слушаете, Александра Кирилловна? – поэтому не надо так убиваться. Мы найдем их. Обязательно найдем! А пока скажите, откуда у него номер вашего сотового?

– Я сама ему дала… Когда в первый раз заходила в магазин. Чтобы позвал меня, если дети будут плакать…

– Он вам звонил хоть раз?

– Нет.

– Ну, ничего, у нас есть исходящий, с которого вы получили sms. Я его передал Громову. На Петровке быстро установят, кому он принадлежит, – продолжал Игорь. – Этот Степан неопытный и неосторожный преступник. Через пятнадцать минут мы будем знать о нем все, Александра Кирилловна! Выпейте пока коньяку, вам нужно успокоиться.

Она молча кивнула и пригубила бокал.

– Вы Алексею Андреевичу оставили сообщение?

– Нет… Он увидит, что я много раз звонила, и сразу меня наберет.

Ее рука лежала на телефоне, чтобы уловить первую же его вибрацию.

– Я думаю, что к этому моменту мы уже найдем детей!

Александра слабо улыбнулась. Она верила Игорю. Почти…

– Опишите мне пока Степана.

– Высокий, метр восемьдесят примерно. Шатен, волосы у него довольно длинные, судя по прядям, которые выбивались из капюшона, и вьются. Глаза карие… Он смуглый… То ли от природы, то ли загорел где-то…

– Кавказской национальности?

– Нет. Черты лица вполне славянские.

У Игоря зазвонил мобильный. «Да, я. Вот как? Записываю… Да, хорошо, спасибо, я на связи!»

Александра видела, как он нахмурился, и не смела спросить почему.

– Личность автора sms установлена. Но его зовут не Степан… А Евгений Фролов. Вам говорит о чем-нибудь это имя?

– Нет. Но он, наверное, и не Степан вовсе… Раз он задумал моих детей похитить, то и имя назвал вымышленное… Почему моих, Игорь? Наших с Алешей?! Мы не богаты, все сбережения вбухали в новую квартиру… Почему НАШИ ДЕТИ?!

– Богатые гуляют под охраной… Скорей всего, он знал, на что шел, и не собирается просить непомерный выкуп… Наряд милиции уже выехал к Фролову, скоро мы все узнаем, Александра Кирилловна! Заказать вам еще коньяку?

– Я еще этот не допила…

– Может, поесть что-нибудь?

– Ничего, Игорь, спасибо.

– Вы тут пока посидите, ладно? Я попробую найти свидетелей. Даже если его сейчас возьмут, свидетели для суда пригодятся!

Александра кивнула.

– Как только мне позвонят с результатом, я тут же сообщу вам, хорошо?

С этими словами Игорь покинул кафе, а Александра принялась цедить коньяк, пытаясь отогнать от себя дурные предчувствия.

Через сорок минут он вернулся.

– У меня есть две новости, хорошая и плохая. С какой начать?

– С хорошей.

Ее глаза снова прожигали дыры на коже Игоря.

– Я нашел свидетеля. Пенсионер видел из окна, как высокий мужчина в куртке с капюшоном открыл багажник черной машины «РАВ-4» – знаете, это «Тойота», похожая на небольшой джип…

– Без разницы.

– Он поставил туда двойную коляску. Туда же запрыгнула собака, и они сразу уехали.

– Номера?

– Он не обратил внимания…

– Если это хорошая новость… То какова же плохая?

Игорь вздохнул.

– Не такой уж неосторожный он оказался, к сожалению… sms была послана с мобильного Фролова Евгения Евгеньевича, четырнадцати лет отроду. Какой-то мужчина притормозил рядом с мальчиком, попросил разрешения позвонить с его мобильного: у его телефона якобы сели батарейки. Заплатил пацану пятьдесят рублей. Тот, конечно, согласился… Черный «РАВ-4», здесь показания совпадают, и это важно, так как в темноте темно-синяя машина тоже могла показаться черной… Номеров мальчик не запомнил. Описание лица похоже на то, которое дали вы.

Александра подняла на него глаза.

– Так где же хорошая новость, Игорь?

– Александра Кирилловна, пожалуйста, не отчаивайтесь! Завтра мы наведем справки в Историко-архивном институте, возможно, это даст какой-то улов…

– Он там никогда не учился. Теперь я понимаю это отчетливо… Бесполезно, Игорь. У него слишком большие пробелы в знаниях истории, которые он удачно прикрывал молчанием, словно раздумывал над моими словами… Но сейчас совершенно ясно: он просто не знал, что ответить! Боже, какая я дура, дура! Я ведь с самого начала чувствовала: что-то не то в парне, что-то темное… Но поддалась на его игру! Он был так добр с детьми… Мне казалось, что это искренне… Что он к ним действительно хорошо относится!

– Возможно, так и есть, – мягко перебил ее Игорь. – Это ведь очень трудно сыграть. Мужчины в моем возрасте равнодушны к маленьким детям, могу вас заверить. Они не умеют, как девушки, сюсюкать с любым младенцем… И если вы, мать, чувствовали, что Степан хорошо относится к малышам, то наверняка так и есть!

– Ты думаешь… Он не сделает ничего плохого детям?

– Нет, – убежденно ответил Игорь, скорее потому, что ему самому хотелось в это верить и, особенно, поддержать надежду Александры. – Он попросит за них деньги, это понятно, но зла им не причинит!

Александра удивилась краем сознания: новый Алешин помощник обычно был сдержан и как-то гладко вежлив, а сейчас проявил себя эталоном деликатности и отзывчивости. На досуге она бы непременно подумала над этим, но сейчас у нее не было досуга. Игорь ее не интересовал – ее интересовали дети. Их с Алешей дети, Кирюша и Лиза, две маленькие любимые личности, две большие частицы ее личности…

…Опер, присланный Серегой с Петровки, отыскал их в кафе. Дмитрий Мартынов, он же Димыч – Александра была шапочно знакома с ним, тоже давний приятель Алеши, хоть и

не такой близкий друг, как Серега, – присел за их столик и вынудил ее заново рассказать всю историю. Выслушал, пощипывая пушистые усы, после чего, прихватив Игоря, отправился на осмотр места происшествия и поиски новых свидетелей. Удовлетвориться тем, что рассказал ему Игорь, он, профессионал, никак не мог: парень мог уйму важных вещей упустить!

Первым делом Димыч внимательно изучил фасады домов в округе, но, увы, ни одно заведение не располагало видеонаблюдением. Он обошел еще несколько подъездов и магазинов в поисках возможных свидетелей и даже нашел двух, которые, однако, ничего не добавили к уже сказанному пенсионером: черная машина, высокий мужчина в куртке с капюшоном, который поставил в нее коляску. Туда же запрыгнула собака, ирландский сеттер.

Негусто. Но многого Димыч и не ждал: в темное время суток помещения освещены, соответственно, в окно ничего не видно: стекла отражают свет. Уже повезло, что двоим отчего-то понадобилось смотреть в окно, причем не зажигая света, а третий свидетель, женщина, шла как раз домой и заметила сцену у машины.

– Значит, так, Александра, – деловито заговорил Димыч, когда они с Игорем вернулись за столик, этот импровизированный штаб. – Собаку мы быстро по кличке найдем через централизованную информационную систему. Она наверняка на учете. Прививки и всякое прочее. Тем более что пес породистый. Как, вы сказали, его звать, Пенс?

– Он его еще иногда Пылесосом называл…

– Странное имя для собаки.

– Пес любит, когда его пылесосят… Так сказал Степан. Но его кличка – Пенс. Хотя, Дим… Я думаю, что это неправда. Он назвал мне вымышленные имена – и свое, и собакино…

– Почему?

– Не знаю. Он про институт наверняка солгал.

– Ну, посмотрим. Запустим еще поиск по машине. Этих «РАВ-4» сейчас много развелось, но будем фильтровать поиск по признакам пола, возраста владельцев. От восемнадцати до двадцати двух примерно… Девицы эту модель любят, так что примерно половина сразу отсеется, дай бог. Дальше по цвету отфильтруем.

– Я видел только черные, – заметил Игорь. – Ни разу не попалась другого цвета. Хотя нет, как-то красную видел!

– Разберемся. Надеюсь, что тачка не угнанная… Пока давайте двигать на Петровку – сделаем фоторобот. Сможете, Александра?

– Постараюсь.

– А если у него сообщник? – встрял Игорь. – И он сейчас за нами следит? Чтобы убедиться, что его условия выполнены и что мы не заявим в милицию? Он может поехать за нами и увидеть, что мы едем на Петровку!

– Меньше увлекайтесь детективами, молодой человек, – усмехнулся Димыч в усы. – Даже если у него есть сообщник и даже если он тут подзастрял, следя за Александрой, то неужто вы думаете, что… – Димыч глянул на часы, – что он тут уже три часа толчется?

«Три часа. Три часа, как у меня отняли детей. А я все еще жива…» – подумала Александра.

– Уверяю вас, – продолжал Димыч, – как только он убедился, что сюда не прибыли машины с мигалками, он (если вообще тут был) уже давно убрался восвояси! Поехали, не будем терять времени!

Пока Александра сидела рядом со специалистом по фотороботам, выбирая носы, губы и глаза, Димыч навел справки о собаке. В Москве нашлось три пса по кличке Пенс, но ни один из них не являлся ирландским сеттером…

Он ничего не сказал Александре. Пообещал информацию завтра. Завтра вернется Леха Кисанов, как надеялся Димыч, и уж сам будет докладывать своей жене о неудачах. А на себя такую тяжкую обязанность Димыч брать не хотел.

Вконец измученная Александра вышла из здания на Петровке и села в машину Игоря.

– Может, вам лучше сейчас не быть одной? Вы ведь можете ночевать в офисе на Смоленке, Александра Кирилловна!

Она кивнула. Находиться в квартире, в которой нет детей, было выше ее сил. Лучше действительно поехать в старую квартиру Алеши, где располагался теперь его офис и где практически жил Игорь, занимая одну из комнат.

– Давай только заедем сначала ко мне. Я возьму зарядку для телефона. Алеша ведь позвонит…

Все это время она почти не снимала ладонь с аппарата, чтобы услышать первую же его вибрацию. Но он молчал, глухо и почти враждебно, словно нарочно не хотел связать ее с Алешей.

– Я думаю, что завтра похититель позвонит или записку пришлет с требованием выкупа, – добавил Игорь. – Я уверен, что с детьми все в порядке, Александра Кирилловна!

Она промолчала.

День первый, вечер.

Квартира Николая Петровича

– Николай Петрович, извините, что не предупредил, но это только на один вечер! Моя подруга должна срочно лететь к родителям на Украину, папа ее в больнице, а няня с гриппом слегла. Сейчас ведь грипп пошел, эпидемия начинается! Вы сами-то как, хорошо себя чувствуете? А то, знаете, грипп – он такой, подкрадывается незаметно…

Всю эту речь квартирант произнес в прихожей, куда, помимо собаки, к которой Колян уже успел привыкнуть, втащил широкую двойную коляску. В ней сидело двое детей, с любопытством разглядывая новую для них обстановку.

– Э-э-э… – промычал Колян, не зная, что и сказать. На один вечер куда ни шло, не поднимать же бучу из-за этого. К тому же дети не плакали, что утешало. – Ну, давай тогда, раз такое дело… А мужа у нее нет, что ли? Чего тебя просит?

– Она мать-одиночка.

– Вот мужики какие пошли, настрогают детей, а сами в кусты… Никаких понятий! И у Васька моего дочка мается, одна ребенка растит… А завтра ты их куда же?

– Завтра я их… Завтра сестра приедет… Я детей к ней и отвезу. А сегодня можно, ладно?

– У тебя сестра есть? Ты не рассказывал!

– Да нет, подруги моей сестра.

– Ну, раз такое дело… Отец в больнице, говоришь?

– Да сердце вроде.

– Ну, тогда отчего же не помочь…

Николай Петрович иногда задавал себе вопрос: а что будет, если он сляжет? Приедет ли из Турции дочь ухаживать за ним? Или только на похороны поспеет?

На фоне этих невеселых мыслей дочь, поехавшая к больному отцу, ему нравилась.

– Тебе на работу разве не надо? Ты ж в ночную вроде?

– Я отпросился.

– Ну, раз так… – Николай Петрович не торопился уходить. – А двое их отчего?

– Двойняшки.

– А не похожи!

– Они не близняшки, а двойняшки. Это не одно и то же.

– Вот как… А плакать они не будут?

– Не думаю. Они спокойные.

– Ну, добро.

Николай Петрович отодвинулся наконец от коляски, и Митя поспешно ввез ее в свою комнату. Но хозяин исхитрился вкатиться без спросу за ними вслед. Хотелось ему то ли посмотреть, то ли как-то поучаствовать, то ли потрогать детские упругие щечки. Внуков-то своих ему не довелось нянчить, и теперь он с любопытством рассматривал детей. Таких маленьких он давно близко не видел.

– Помочь чем? – спросил он.

– Нет, спасибо.

Митя недовольно оглянулся на хозяина, но вслух ничего не сказал, и Николай Петрович сделал вид, что не заметил.

– А звать их как?

– Лиза и Кирюша.

Митя уже успел выпростать обоих из нарядных комбинезонов. Дети сидели на диване, с любопытством глядя вокруг. Собака пританцовывала возле дивана, но Митя прикрикнул на нее, и она понуро отошла в угол, улеглась на пол, громыхнув по старому паркету мослами.

– Будемте здоровы. – Инвалид подкатил поближе к дивану и взял обе крошечные ручонки в свою ладонь. – А меня Николаем Петровичем звать.

Кирюша выразил по этому поводу радость, подрыгав ножками, а Лиза кокетливо и гордо отвела головку в сторону. Такая малюсенькая, а туда же, подивился Николай Петрович. В крови у них это дело, у баб, видать!

– Они говорят?

– Нет еще, маленькие слишком.

Митя с трудом скрывал свое недовольство вторжением хозяина в его «апартаменты». Николай Петрович решил не злоупотреблять. Откатившись от дивана, он еще раз оглянулся – заметил баночки на столе, детскую одежду, сложенную на подоконнике, – и покинул комнату жильца.

– Слышь, ты, – говорил он спустя час на кухне, дверь в которую тщательно прикрыл, – слышь, Васян! Говорит, что у подружки неожиданно отец заболел, потому и детей взял.

– Бывает, – флегматично ответил Васян.

– Бывать-то бывает, да вот только детскую одежду я и раньше у него видел!

– И чего?

– А того! Значит, готовился! Заранее готовился, понял! И еда у него детская в баночках стоит на столе. Он не с ней пришел, она уже дома была у него, понимаешь?

– Нет… Куда ты клонишь?

– А туда, что странно это! Отец его подруги *неожиданно* в больницу слег, а у него в комнате *уже* все готовое для детей!

– Так, может, он давно собирался их взять к себе… Мало ли. Если подруга у него мать-одиночка, то, может, он раньше уже собирался с ними посидеть… А отчего-то не сложилось.

– Ну, может, – вынужден был сдаться Колян. – Хотя я что-то таких парней, чтобы сидели с чужими детьми, не видал!

– Так, может, она ему не подруга вовсе, в смысле что шуры-муры они не водят. А просто подруга, хорошая знакомая то есть. И она ему, может, платит за то, чтоб посидел?

– Шуры-муры он, как я понял, с хозяйкой собачки водит!

– Дак тем более. За деньги небось с малышней сидит. Бебиситтер называется.
– Это что же, как собака?
– Кто как собака?
– Ситтер.
– Ох, ну темный ты, Колян, то *сеттер* собака, а это *ситтер* – сидит, значит, с детьми…

Васян ему вечно кайф портил. Чуть только он увлечется какой-нибудь мыслью, так Васян непременно найдет, как обломать. Самое же неприятное заключалось в том, что Колян никогда не знал, что возразить другу. Отчего всегда получалось обидно: вроде Васян умный и прав, а он, Колян, дурак и не прав…

Николай Петрович лежал без сна и обижался, перебирая в уме их разговор на кухне.

И почему же это он не прав?! Ну ладно, пусть так: парень, который пудрится, такой вряд ли с подругой милуется. Тогда, как говорит Васян, она ему платит? Ладно, допустим. Но откуда у парня детская одежда? Сам купил? Но зачем, раз ему деньги платят? Не стал бы он свои тратить в таком случае, не стал бы! Подруга ему одежду дала? Но тогда бы он сегодня с вещами и притащился. С детьми, с авоськой вещей и с детскими баночками! А у него уже дня четыре как все это хозяйство в комнате находится!

Хотите – не хотите, граждане, а странность тут получается!

Беда в том, что Николай Петрович решительно не знал, какой вывод сделать из своих наблюдений. Оттого-то Васяну всегда и проигрывал…

Ночь первая.

Офис Алексея Кисанова

Алеша позвонил только после полуночи. Она не спала – не спал и Игорь. Они сидели на кухне в квартире на Смоленке и пытались рассуждать, пытались осмыслить ситуацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.